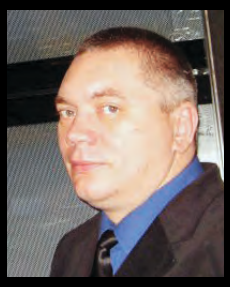
Сборно-щитовой сарай на подпорках – единственная школа в селении Эминхюр, где 460 учеников... *(С. 4)*

С тех пор, как его не стало, я один живу за двоих *(С. 38)*



ДАГЕСТАН

№6 (117)
ИЮНЬ 2015

...за джаз тогда уже не сажали, но неприятности, особенно у студентов, могли быть... *(С. 18)*

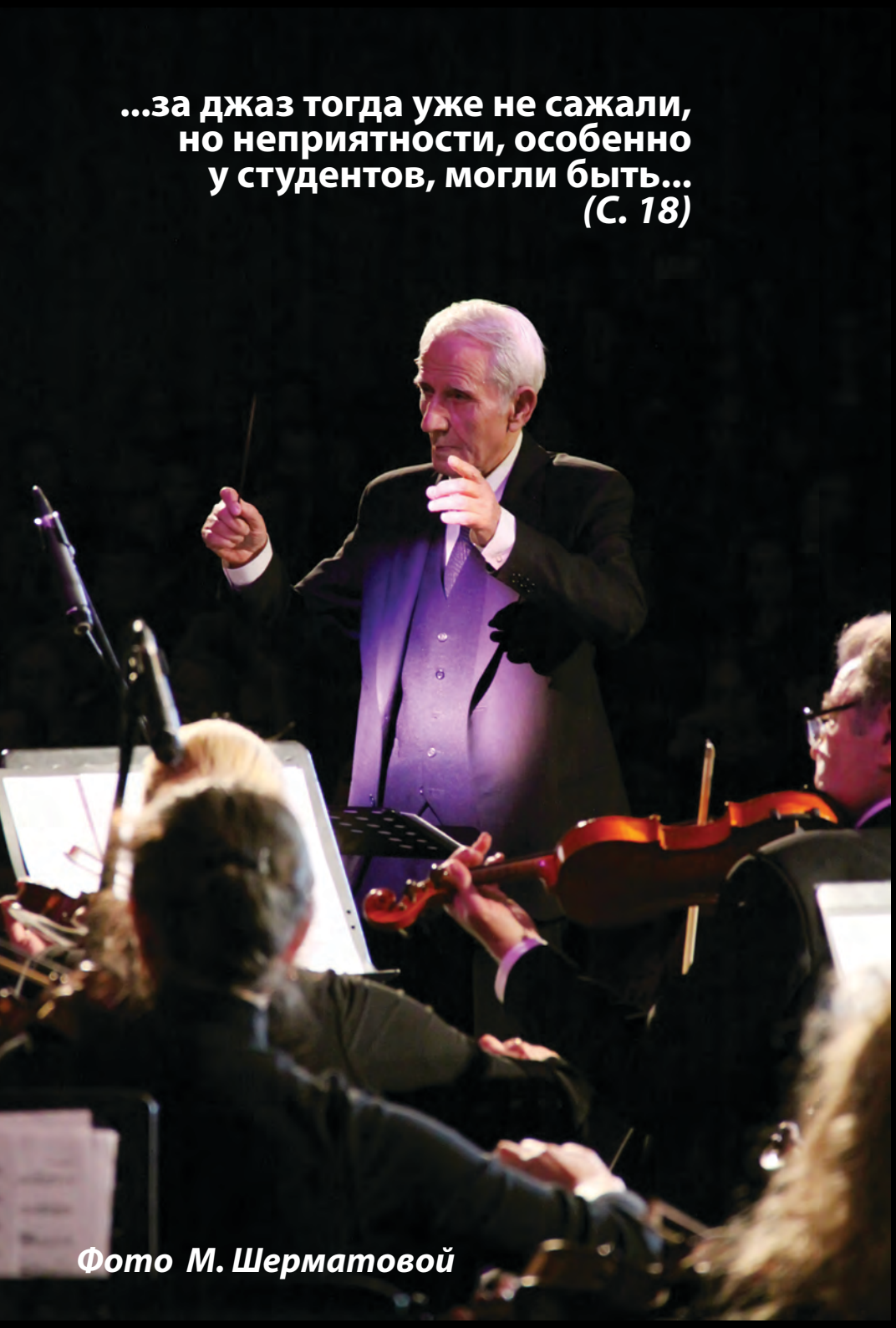


Фото М. Шерматовой

Он много сделал по развенчанию мифов о Дагестане *(С. 11)*

Термин «таты» – издевка и изощренная форма антисемитизма *(С. 14)*

Муслим Магомаев просто лукавил... *(С. 22)*

«...мы вынуждены будем обратиться к Марксу и Энгельсу» *(С. 24)*

Ниагарский водопад ничто в сравнении с ним *(С. 27)*

Колонка редактора

Мэры, воры, избиратели, или Сознание определяет бытие…

После августовской жары и политических трясок вряд ли нас ожидает спокойный и прохладный сентябрь. По некоторым прогнозам, осень в Дагестане будет продолжением жаркого политического лета. Интрига сохранится до конца. Речь идет о предстоящих выборах глав муниципалитетов республики, в их числе и главы столицы. И это событие не может не вызывать интерес всех тех, кто следит за ситуацией в регионе. На сегодня сдерживающим фактором является Глава Республики **Рамазан Абдулатипов**, который восстановил управляемость и не заигрывает с политическими силами. Если пустить процесс на самотек, могут быть непредсказуемые для Дагестана последствия, чего не желает ни один дагестанец.

Несмотря на это, политические наблюдатели замечают отдельные очаги вспышек и борьбы вокруг мандатов и зоны влияния отдельных политических сил. Это довольно интригующе наблюдать со стороны: если у тебя нет своего политического интереса и кандидата, которого хотелось бы поддержать. Автор этих строк относит себя к этой группе наблюдателей, несмотря на возможную установку по голосам «партии и правительства».

Как известно, новое выборное законодательство не дает никаких шансов идти на главу города или района без согласования наверху; несмотря на это, мы наблюдаем определенное рвение или имитацию отдельных лиц. Согласовано это наверху или нет – угадать трудно, но факт желания занять кресло наблюдается. В Дагестане нет публичной политики, все происходит за кулисами, где управляют методами сдержек и противовесов. **Как говорил Уинстон Черчилль: «Дипломатия – схватка бульдогов под ковром». Мы видим только отдельно выскакивающие лапки, части тела – по ним и судим о ситуации в республике.**

Теперь основной и главный вопрос – кому быть мэром нашей столицы? Наивно будет считать, что мэра выбираем мы с вами. Может быть, власть и создаст видимость, будто мэра выбирает народ, реально же он будет спущен сверху. Справедливо ли это? Нет. Но вместе с тем, за последние 20 лет мы с вами, уважаемые читатели, не выбрали на этот пост ни одного достойного человека. На всенародных выборах те же бандиты с «калашами» подкупом и шантажом забирали у нас и мандаты и кресла мэров. Мы это трусливо и недостойно для граждан проглотили.

Сегодня мы сталкиваемся с совершенно иной действительностью: главу района и города будет определять Глава Республики – это по факту. Может ли он знать лучше вместе взятого трехмиллионного дагестанского народа, кому быть мэром столицы? К сожалению, не может. И мир пока не придумал ничего лучше, чем свободное волеизъявление граждан и тайное голосование.

Что же надо сделать, чтобы Глава Республики дал нам достойного человека, а не бандита? Перестать творить кумиров из бандитов, убийц, казнокрадов и взяточников. Как только в обществе восторжествует культ ума, образования, интеллекта, чистоты и честности, сам глава назначит нам человека соответствующего этим критериям. Если же мы будем без конца высмеивать культуру, честность, порядочность и призыв к добродетели, то нам и главой дадут барина, помещика, феодала, но не слугу народа и подотчетного гражданам мэра. Сознание должно определять бытие – это основной божественный постулат, изменение его привело к всеобщему заблуждению и деградации личности.

Магомед Бисавалиев

ДАГЕСТАН

№6 (117) июнь 2015 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
печати и информации РД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Магомед БИСАВАЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
http://journaldag.ru
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:
Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.
ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1500 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.

Содержание номера:

Наида Хаспулатова
Гомер, историк, яблоки и минералка
С. 4

Эдуард Эмиров
Человек «узденской чести»
С. 11

Шалум Мигиров
Конституционная перезагрузка
С. 14

Влада Бесараб
Импровизация на джазовую тему
С. 18

Эдуард Эмиров
Заявка на успех
С. 22

Светлана Анохина
Написанному верить
С. 24

Магомед-Расул
Серебряный водопад
С. 27

Саид Ниналалов
Из жизни аула мастеров
С. 34

Герман Садулаев
Апокрифы Чеченской войны
С. 38

Наида Хаспулатова

ГОМЕР, ИСТОРИК, ЯБЛОКИ И МИНЕРАЛКА

ГОМЕР XX ВЕКА

Вот на этой скромной железной кровати умер великий поэт, Гомер XX века Сулейман Стальский. Это его любимые чашки, самовар. В этом бешмете и шаламар он ходил до последнего дня. ТАСС передало известие о смерти поэта лаконично: «23 ноября 1937 года умер Сулейман Стальский», – не указав ни звания, ни должности. В этом не было нужды – имя знал весь Советский Союз, весь мир. Специалист дома-музея в селении Ашага-Стал Фейзудин Мамедов показывает «Правду» – главную газету СССР, которая несколько раз посвятила целую страницу Сулейману. Ни до, ни после ни один дагестанец не удостаивался такой чести.

Памятник поэту во дворе дома-музея

Стихи Стальского еще при его жизни издавались миллионными тиражами на всех языках Советского Союза, на 11 иностранных языках. Его друзьями и гостями были лучшие советские писатели и поэты со всего Советского Союза, начиная с Максима Горького. Именно после очередного визита делегации Союза писателей СССР, когда Сулейман не смог поместить всех гостей в своем скромном саманном домике, дагестанское правительство решило построить ему этот, по меркам того времени, огромный особняк. Но известность никак не отразилась на образе жизни великого поэта. Когда в 1936 году к нему заехал руководитель ДАССР Нажмудин Самурский, он с удивлением узнал, что Стальский поливает овощи на колхозном огороде. «Зачем, – спросил Самурский, – ведь у тебя огромные деньги на счету, гонорары за твои книги, на эти деньги в каждом селе твоего района можно построить школу?!» Сулейман обрадовался и сказал: «Сейчас же возьмите все мои деньги и стройте школы». И, проводив гостя, принялся опять за полив.

Кровать Сулеймана Стальского

Имя поэта было присвоено Касумкентскому району в 1969 году – по просьбе местных жителей, которые хотели увековечить память своего знаменитого земляка. Сулеймана Стальского и сейчас знают все в Дагестане. На днях широко праздновался его день рождения. К могиле поэта на берегу моря в Махачкале возложить венки пришло

все руководство Дагестана во главе с Главой РД Рамазаном Абдулатиповым. Поставлен памятник поэту и в Дербенте.

Когда-то этот дом-музей посещали тысячи гостей – он входил в четыре туристических маршрута. Сейчас туристов в Дагестане почти нет. Но, по словам Мамедова, посетителей и сейчас хватает. Приезжают школьники со всего Дагестана, дагестанцы, приезжая в отпуск, обязательно заходят сюда, чтобы вспомнить самим и показать своим детям великого сына лезгинского народа.

ПЕРВЫЙ ИСТОРИК ДАГЕСТАНА – ВЕЛИКИЕ ПРЕДКИ, СЛАВНЫЕ ПОТОМКИ

Читая средневековую историю Дагестана, постоянно наталкиваешься на упоминания ученых, живших фактически во всех районах. После законной гордости за своих земляков вдруг понимаешь, что все они знатоки только шариата. Первым светским ученым Дагестана стал Гасан Алкадари.

Гасан-Эфенди Алкадарский

От селения Алкадар, где жил великий историк, остались только развалины – местные жители давно переселились на равнину неподалеку. В новом селение Алкадар несколько лет назад был открыт музей знаменитого земляка. Среди экспонатов – первое издание книги первой истории Дагестана – «Асари Дагестан» на азербайджанском языке, выпущенной в 1903 году в Баку. Это главный труд его жизни, который охватывает период с VII по XX века, но далеко не единственный. Он был поэтом, мыслителем, просветителем, активным общественным деятелем. Директор музея Гасана-Эфенди Алкадарского, автор монографии о великом земляке Гусейн Гусейнов рассказывает: «Значение Гасана Алкадари можно сравнить с Львом Толстым для России. Он был не только автором известнейшего исторического исследования, но и моралистом, педагогом, основателем светских школ. Выступал против национальных движений в Дагестане. В своих произведениях призывал к построению правового общества и на конкретных примерах показывал, как можно примерить адаты, шариат и светское право. Мы построили музей, и в нем побывали уже сотни тысяч человек со всего Дагестана, и не только. Были здесь жители Германии, Голландии, Японии, Южной Кореи. Дети, молодежь узнают про своих земляков и про историю», – рассказывает директор.

Один зал музея посвящен предкам и потомкам историка. Алкадарский принадлежал, пожалуй, к самому интеллектуальному роду Дагестана. Сам он был родным внуком Магомеда Ярагского. Среди его прямых потомков – композитор Готфрид и конструктор Генрих Гасановы, директор института философии РАН Абдусалам Гусейнов, известнейший современный историк Амри Шихсаидов. Пожалуй, именно благодаря Алкадари и его потомкам образование и знания стали считаться у лезгин высшей ценностью.

РЕСТАВРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

«Щечки, как касумкентское яблочко» – уже несколько веков такое сравнение является чуть ли не обязательным при описании красавицы в Дагестане. Зеленые долины, привольно раскинувшиеся поля, речки и родники – касумкентская земля издавна считалась одной из самых плодородных в нашей республике. И если смену капиталистического строя на социалистический знаменитые сады пережили почти безболезненно, то обратный процесс 20 лет назад почти полностью уничтожил сельское хозяйство района. К 2008 году сады и виноградники постарели и запустели, поля были заброшены.

Новый руководитель района решил, что возродить АПК можно только с помощью успешных земляков. В районе была принята «Программа по созданию условий для возрождения традиционных отраслей сельского хозяйства». Были выделены инвестплощадки, разработаны десятки инвестпроектов. Состоятельные касумкентцы инициативу поддержали и начали вкладывать свои деньги. За последние годы инвесторы вложили в район 3 миллиарда рублей. Результат впечатляющий – заложено 1200 га виноградников, только в начале этого года уже больше 70 га, посажено 1350 га садов, 7,5 га теплиц. И это при минимальной господдержке. Сейчас в республике начали возрождать МТС. В Сулейман-Стальском районе с 2009 года действует частная МТС «Кюре-Агро» – без нее фермерам пришлось бы тяжело.

Сады фермера Насрулаева Г.

Директор МТС Саляхов Мурад рассказывает, что здесь техники на 50 миллионов – тракторы, комбайны, грейдер, экскаваторы и др. В сезон вся техника круглые сутки работает, выполняет и частные и государственные заказы, готовит землю под новые сады и виноградники. «Единственная помощь от государства – что часть машин взяли в лизинг, больше никакой. А так затраты большие, даже не знаю, когда инвестор свои вложения оправдает», – сетует М. Саляхов.

В районе сделали ставку на крупные, современные проекты. В село Юхари-Стал на 70 га заложен самый большой промышленный сад в Дагестане с особой системой мелиорации. ООО «Зардиян» около села Орта-Стал» посадило 186 га виноградников и 25 га садов. ООО «Кварчаг» призвано возродить виноградарство в Корчагской долине и уже заложило около 200 га высокоурожайных технических и столовых виноградных плантаций.

МТС «Кюре-Агро»

ООО «Чахар» засеяло 120 гектаров полбой – подзабытым древнейшим продуктом, из которой в Юждаге любят готовить афарар (чуду) и плов, и наладило выпуск уникального диетического продукта из разряда «Здорового питания будущего». Сегодня крупа полбяная «Лезги чIахар» представлена в магазинах всех городов и районов Дагестана.

Неплохо возрождается и животноводство. В селении Ивигар на месте заброшенной колхозной фермы Мадрид Манатилов построил живот-

новодческий комплекс на 100 голов. И, что особенно важно, построил цех по переработке молока не только своих коров, но и принимает молоко у окрестных жителей.

Есть и другие крупные проекты. Но здесь помогают развиваться и небольшим фермерским хозяйствам. В чем-то они даже важнее. Крупные проекты современны и механизированы, у фермеров же больше ручного труда и, значит, больше занято рабочих. Фактически возрождение АПК решает проблему безработицы в районе, так как каждый гектар сельхозземель требует в сезон минимум двух рабочих. Фермер Гюлгюм Насрулаев на собственные деньги посадил 20 га садов – персики, черешня, яблоки и груши. Уверен, что выгода будет, хотя от государства помощи пока не видел. Сельчанам, работающим у него, в день платит по 600-700 рублей. Но если черешня и персик неплохо продаются и в сезон, то яблоки выгоднее продавать попозже. Но где хранить? В прошлом году 5 фермеров района получили гранты. Не много, конечно, при более чем тысяча КФХ.

Завод минеральных вод «Рычал-Су»

Глава МО «Сулейман-Стальский район» Нариман Абдулмуталибов благодарен инвесторам за поддержку. В планах создать логистику, инвестор планирует построить овощехранилище на 3 тысяч тонн – самое большое в Юждаге, на очереди несколько интенсивных садов, современное питомневодческое хозяйство. Идут переговоры и по другим инвестплощадкам, «Но огромные проблемы с реализацией продукции – государство должно отстаивать интересы своих производителей. И хотя намеченных федеральных, республиканских программ по поддержке АПК достаточно, в них слишком много формальностей и бюрократии; крупные сельхозпроизводители ещё могут получить положенные субсидии, фермеры фактически без помощи», – говорит Н. Абдулмуталибов.

СТАРЫЕ ИСТОЧНИКИ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Промышленность в районе развита слабо. Нет уже тех знаменитых заводов, таких как Касумкентский консервный завод, который в свое время работал в 3 смены. Осталась только знаменитая минералка «Рычал-Су», которая давно стала дагестанским брендом. Польза этой воды известна еще с XVIII века. Источник течет со скалы в 1120 метров над уровнем моря, около селения Цмур, и там же непосредственно вода и разливается, что позволяет сохранить её целебные свойства. Касумкентскому заводу минеральных вод «Рычал-Су» более 70 лет. Но со временем оборудование обветшало, производство упало. Несколько лет назад владелец завода провел полную реконструкцию, было поставлено современное оборудование. Продажей продукции занялись профессиональные маркетологи. Старая отрасль возродилась, теперь минералка в зеленой бутылке украшает не только любой праздничный и официальный стол в Дагестане, но и достаточно успешно продается по всей стране.

Второй проект похожий, но принципиально новый. Недалеко от села Юхари-Стал есть известный в этой долине родник «Мевер булах» с уникальной чистой питьевой водой. У этого родника инвесторы и решили построить современный завод по производству питьевой воды «Мевер» – чистой и мягкой. Достаточно быстро вода завоевывает популярность и уже теснит признанные бренды.

А, главное, местные жители работают на неплохой официальной зарплате, республиканский, районный и сельские бюджеты пополняются.

СЕМЬ ЛЕТ БЕЗ ЕДИНОЙ ШКОЛЫ

Вот этот сборно-щитовой сарай на подпорках – единственная школа в большом селении Эминхюр, где 460 учеников. Прочие корпуса не лучше. Детей пускать сюда опасно, потолки опасно провисают. Но ведь не оставишь сотни детей без образования. Новую школу в этом селении строят вот уже 5 лет, ежегодно выделяются по 10-20 млн. Правда, в этом году выделили 45 млн рублей. Обещали сдать учебный корпус новой школы.

Средняя школа, село Эминхюр

Странным образом Сулейман-Стальский район с 60-тысячным населением и хорошими экономическими показателями стал черной дырой для социальных программ. Последняя школа в районе была сдана ещё в 2007 году. Хотя потребность в школах огромная – из 41 общеобразовательного учреждения всего 7 типовых зданий. Остальные – сборно-щитовые и саманные постройки, или построенные «народным способом» из кирпича и самана без актового и спортивного залов. А в некоторых районах с населением в несколько раз меньше строят по несколько социальных объектов в год…

Новый детский сад в селении Ашага-Стал-Казмаляр издалека бросается в глаза – нарядный, непривычно яркий для села. Садика в этом селе никогда не было. Молодые мамы Назлы Фарманова и Марина Таривердиева сами в садик не ходили, но мечтают отдать сюда своих малышей. «Всё село много лет ждало этого. Дети дождаться не могут, когда садик откроют. Ведь здесь им будет весело, много игрушек, детская площадка, здесь получат дошкольное образование. Но, наверное, не все дошколята сюда попадут. Сад рассчитан на 120 мест, а малышей в селе гораздо больше», – делятся с нами родительницы. Этот детский сад построен по федеральной программе, торжественно сдан 3 месяца назад, правда, почему-то ещё не работает – устраняются недоделки, решаются бюрократические вопросы.

Молодые мамы Н. Фарманова и М. Таривердиева у нового детского сада

Правда, даже с этим детсадом охват дошкольным образованием в Сулейман-Стальском районе достигнет всего около 13% – в два раза ниже среднего дагестанского уровня, в четыре раза ниже среднероссийского. Больше садиков даже не запланировано – ещё один, недавно обещанный, исключили из программы на этот год. В районе 38 населенных пунктов, а детских садов 12, из них только 2 типовых. Последний садик был сдан в 1979 году.

Не лучше обстоят дела и с дорогами. Реконструкция дороги от федеральной трассы до Касумкента уже 5 лет включается в программы «Дагавтодора», но пока здесь так и не появился ни один дорожный рабочий. Хотя движение в этом большом и богатом районе почти такое же интенсивное, как в Махачкале.

РУКОВОДСТВО РАЙОНА: ПЛАНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Нариман Абдулмуталибов 5 лет возглавляет Сулейман-Стальский район. В руководстве района с 2007 года, когда главой стал Имам Яралиев. И ему есть чем гордиться. Экономический подъем отразился и на бюджетных показателях.

В 2007 году собственных доходов было 12 миллионов, сейчас 106. Дотационность районного бюджета снизилась с 90 до 60%. Размер дотаций ежегодно уменьшается, хотя есть соглашение между правительством РД и муниципалитетами, что не будут их срезать по мере роста собственных доходов. Сейчас дотаций 112 миллионов, два года назад было 168 млн. Но это неизбежно, так как уменьшился и дагестанский бюджет. А обязательств перед населением становится всё больше – район большой (667 кв. км) с населением 60 тыс. человек. В 80-е годы прошлого столетия в районе проживало 30-35 тыс. населения, в настоящее время – около 60 тыс.

«Проблем по всем направлениям очень много. К примеру, развитие сельского хозяйства у нас невозможно без мелиорации, а она фактически разрушена. Мы очень много надежд связываем с водоводом «Сардаркент–Даркуш–Казмаляр», который позволит обеспечить питьевой и поливной водой 95% населения района. Головное сооружение и очистные сооружения построены, осталась самая дорогая часть – по трубам подвести воду. Необходимые затраты составляют 500 млн рублей; в этом году выделили на этот проект всего 30 млн… Так что не знаю, когда закончим. Если этот проект заработает, то он оживит всю экономику района. Федеральные и республиканские программы в нашем районе работают слабо. Многие социальные объекты Сулейман-Стальского района долгострои.

Хотя мы пытаемся и сами что-то делать. К примеру, за последние 7-8 лет 80 млн вложили в реконструкцию районной больницы, и скоро она будет в идеальном порядке. Около 90% районного бюджета – это зарплата бюджетников, социально защищенные статьи, оставшихся денег почти ни на что не хватает. А требований и полномочий все больше и больше. Но средств, как правило, недостаточно. Иногда требования

Нариман Абдулмуталибов

доходят до абсурда – везде, на всех объектах муниципалитета необходимо ставить камеры видеонаблюдения, так называемые кнопки тревожной сигнализации, организовать на всех объектах проточную воду, провести канализацию, пожарную сигнализацию ну и т.д. и т.п. А это же огромные финансовые средства. А штрафы!? Если с видеонаблюдением все понятно, то по пожарной сигнализации не все!? У нас есть нетиповые начальные школы – одноэтажное здание с 4 комнатами, построенное еще в 30-е годы прошлого столетия народным способом. Зачем там пожарная сигнализация? В случае чего, не дай бог, пожар, ребенок с учителем сразу во двор за секунду выбегут, пока она сработает. А при этом спортивный комплекс в Касумкенте никак не можем достроить. У республики нет 30-40 млн для завершения объекта, а строится с 2003 года. На весь район нет ни одного современного спортивного комплекса, построенного за счет республики», – сетует глава МО.

«Между тем нам много помогают богатые касумкентцы, патриоты своей малой родины. На частные средства построен и содержится музей Гасана Алкадарского в с. Алкадар, музей Победы в с. Цмур, учебно-спортивный центр в с. Цмур, несколько спортивных залов, ремонтируются объекты социальной инфраструктуры, облагораживаются родники, кладбища. Инвесторы построили несколько дорог, заасфальтировали около 15 км местных дорог, помогают с газификацией, электрификацией, водоснабжением. Так, генерал Г.Г. Шайдаев за свой счет обеспечил качественной питьевой водой свое родное село Цмур, построив водопроводные

сети и очистные сооружения; И.М. Яралиев реконструирует, ремонтирует автодорогу в село Юхари-Стал; Г.Н. Нюдюрбеков заасфальтировал дорогу к Новопоселковой школе и детскому садику. Примеров можно привести десятки. Уроженец села Татархан Л. Эмирасланов за свой счет полностью газифицировал свое родовое село. Если бы мы могли вернуть ему потраченные деньги, то он готов был бы газифицировать и другие села, вложить еще больше своих средств. Кюринцы – трудолюбивые, отзывчивые, законопослушные люди, с традициями».

Но помощь государства все же необходима. «Хотелось бы дорогу до Касумкента заасфальтировать, обеспечить Касумкент, районный центр, качественной питьевой водой, полностью газифицировать район, в электрификации навести порядок, построить современный мусорный полигон… Ведь и инвесторы идут, и мы обязаны предоставить им условия, обеспечить качественной инфраструктурой. Хочется обеспечить район добротными дорогами, поливной водой, обеспечить миром. Чтобы наши дети получали качественное образование, как сейчас полагается с трёх лет, в современных садиках и школах. Хотелось бы, чтобы с нашей командой было связано и открытие долгожданных социальных объектов. Ведь жители района слышат и видят, что где-то открываются новые школы, садики – обычно в одних и тех же муниципалитетах, периодически; причем, как свидетельствуют СМИ, они и наполовину не заполнены. Я понимаю, что как глава района отвечаю за все, но населению не объяснишь, что какие-то вопросы являются прерогативой республики, федерального центра. Многие думают, что глава, как в советское время первый секретарь, должен и обязан решать все проблемы, тем более строить новые школы, клубы и т.д. При этом не объяснишь, что местный бюджет ограничен, а полномочий и требований с каждым годом все больше и больше. И спрос с тебя за все, что происходит в районе: актуализация налоговой базы, сбор налогов, медицинское обслуживание, противодействие терроризму, наркомании и т.д. и т.п. Самое главное, хотелось бы, чтобы люди жили в достатке. Ты хоть построй школы, садики, дороги, но если у семьи нет достатка, средств для развития семьи, человек не будет доволен властью.

И, наконец, возвращаясь к вопросу, хочу ответить, что во всех структурах власти, в политике должны быть четкие правила, ясные в человеческом плане, но в то же время государственные отношения, справедливость в этих отношениях, никаких двойных стандартов, политического варварства, меньше реформ и всяких непонятных «реконструкций, реорганизаций», к чему, думаю, обязательно придем, уже идем», – уверен Нариман Абдулмуталибов.

Из района мы уезжали вечером. Нереально зеленая долина, кругом раскинулись огромные сады и виноградники, большие ухоженные дома, над этой цветущей весенней картиной возвышается заснеженный Шалбуздаг. Древняя, красивая, плодородная земля, которая породила много выдающихся, известных да и просто хороших людей.

Эдуард Эмиров

ЧЕЛОВЕК «УЗДЕНСКОЙ ЧЕСТИ»

К 80-летию доктора исторических наук Мамайхана Агларова Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН провел региональную научную конференцию «Этнографическое кавказоведение: традиции и перспективы». В конференции приняли участие ученые и общественные деятели из Москвы, Астрахани, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Чечни, Дагестана. Было заслушано более 30 докладов и сообщений, затрагивающих различные аспекты многогранной и плодотворной научной деятельности юбиляра и проблемы этнокультуры северокавказских народов. Мамайхан Агларов много сделал по развенчанию мифов о Дагестане, сложившихся стереотипов о нашем горном крае. И даже то, что многие из выступивших на конференции называли М. Агларова «человеком узденской чести», свидетельствует о новаторском и независимом духе его научного творчества.

Эти мифы касаются истоков нашей полиэтничности, так называемых «кавказских республик» («вольных обществ»), «примитивной экономики» как основной причины военно-политической экспансии. К примеру, успехи в исследовании этнографов и археологов, в том числе М. Агларова, не только развеяли миф о «примитивности» земледельческо-скотоводческого хозяйства Нагорного Дагестана, но и со всей очевидностью раскрыли реальную картину того, что Дагестан стал одним из крупнейших мировых центров агрикультурного террасирования – наиболее высокопроизводительной формы в условиях гор. А притча о горце, который потерял свой участок, но обнаружил его под брошенной на землю наплечной буркой, указывала не на малоземелье, а на забавно крохотные размеры отдельных террасных участков. А что касается феномена многоязычия, то он объясняется не «родоплеменными» различиями в условиях изоляции, а «этнографическим эффектом», который был свойственен самоуправляемой гражданской общине (полису).

Профессор **Георгий Дергульян** (Чикаго, США) считает, что М. Агларов оперирует конкретным материалом Нагорного Дагестана, где хроническое малоземелье и террасное земледелие способствовали наиболее яркому проявлению типичных черт горской гражданской общины, основанной на частной собственности на землю при коллективном владении территориями. В общине происходит более четкое вычленение, противостояние и равновесие двух начал: частного и общественного, что образно воплотилось в «мегъ», где участок (терраса, сенокос, пашня и др.), индивидуально вычлененный, является в то же время частью общего пространства.

То есть вопреки имеющимся интерпретациям исторического феномена «вольных обществ» как начальной формы феодальной формации, М. Агларов уверен, что «…общинные формы, пережив качественно новые изменения в отношении собственности, поднялись на уровень «республик», суперсоюзов и федераций «вольных обществ» и в таком качестве стали вровень с феодальными образованиями».

Замдиректора Института истории, археологии и этнографии, доктор исторических наук **Омар Давудов** считает, что вершиной научного творчества юбиляра стала книга о сельской

общине. И книга вполне заслуживает Государственной премии Республики, на которую она представлена. На взгляд О. Давудова, М. Агларов внес заметный вклад в изучение семьи как ячейки общины с точки зрения ее правового и имущественного положения в джамаате:

– В Южном Дагестане хорошо представлена патриархальная семья. Это было продиктовано в первую очередь экономикой. Речь идет о скотоводстве, отгонном животноводстве, обработке земли. Для развития подобной экономики требуется весьма сплоченная семья. Такая большая семья состоит из малых семей. В Нагорном Дагестане такого не было. Еще с периода «бронзового века» в горах стала господствовать малая семья, – отмечает О. Давудов. – Мамайхан Агларович первым поднял этот вопрос и смог отстоять его. В свое время у него даже возник спор с известным нашим этнографом Сакинат Гаджиевой, которая отстаивала интересы тех российских этнографов, считавших, что большая семья должна быть везде. Оказалось, что не везде. Сегодня точка зрения Мамайхана Агларова утвердилась...

Специалисты отмечают, что в его научных интересах попытка разобраться с этнонимом «аварцы». Действительно, интересно, откуда взялось это название дагестанской народности. К примеру, у арабских авторов есть сведения, что в царстве Серир (нынешний Хунзах) был правитель по имени Авар. Конечно, эта очередная гипотеза требует своей разработки. Но сами аварцы называют себя «горцы». Это объединяет всех горцев: и андийцев, и дидойцев, и других. Важно было понять происхождение слова «хиндалал», то есть житель долины. Андийцы, кстати говоря, всех аварцев именно так и называют.

– Но судьба большого ученого тем и замечательна, что его усердная, вдохновенная работа все более пополняет людские умы, являясь как бы уже неотъемлемой частью духовной жизни народа, – подчеркивает заведующий отделом Института истории, археологии и этнографии, доктор исторических наук **Магомедхан Магомедов.** – Это яркая личность, талантливый человек в высшей степени приверженный старым дагестанским традициям и ценностям таким, как ях-намус, горский этикет, человечность, со своим представлением того, каким должен быть мужчина. Его становление как ученого было нестандартным и не усыпано розами. В свое время кавказоведы, да и все советское этнографическое кавказоведение, образно говоря, попало под «идеологический каток». Была авторитетная этнографическая школа Марка Осиповича Косвена, представители которой пытались найти на Кавказе первобытную сторону нашей социальной эволюции. Совершенно иные подходы использовались, когда речь шла об истории Грузии, Армении и Азербайджана. Приводились аргументы в пользу того, что у нас была «военная демократия» и что народы Дагестана не прошли (а точнее, не все прошли) стадию феодализма. Одни исследователи, например Робакидзе, придумали теорию так называемого «горского феодализма», другие считали, что в «вольных обществах» феодализма вообще нет. Но надо же было как-то прописать северокавказские народы! И придумали «ерундовый» тезис, что все народы Закавказья – это нации, а Северного Кавказа – народности. И пошла «гулять» такая интерпретация по монографиям, диссертациям и т.д. Естественно, ученые Северного Кавказа протестовали против такой национальной, если хотите, интеллектуальной дискриминации. В начале своей научной деятельности М. Агларов тоже был подвержен «косвенизму». Но с помощью своего духовного наставника и научного

руководителя Лаврова отошел от этих идей и согласился с доводами своего учителя. Мамайхан Агларов, как анатом, буквально «по косточкам» разложил социальную структуру общества, начиная с землепользования до выборности местных органов власти. Самое важное, что было определено отношение к собственности. В 1988 году он издал свою книгу о сельской общине. Ее одобрили академик Гаджи Гамзатов, петербургская школа кавказоведов во главе с теоретиком этнографии Юрием Семеновым, директор Института этнологии РАН, академик Валерий Тишков. А это высокое признание!

Известные историки, профессора Амри Шихсаидов (Дагестан), Анна Зелькина (Лондонский университет) и другие исследователи считают, что в книге М. Агларова обоснована новая концепция гражданской общины, как универсальной формы социального и политического устройства обществ Восточного Кавказа XIX века. По мнению не только наших этнографов, но и зарубежных, М. Агларов раскрыл «вековую загадку» кавказоведения – феномена полиэтничности – удивительного многоязычия Дагестана как культурной реакции на политическую структуру общества.

Заслуга Мамайхана Агларова состоит в том, что его работа вышла, как говорится, в нужное время в нужном месте. В условиях демократизации общества книга М. Агларова о социальной структуре, социальных отношениях, наконец, гражданском состоянии дагестанского общества приобрела особую актуальность. Ученый считает, что понятие «уздень» вбирает в себя и политику, и экономику, и лучшие человеческие добродетели. Не случайно имам Шамиль называл себя «простым узденем». По определению уздень – это гражданин, ведь без джамаата узденя не бывает. А значит, по мнению Агларова, дагестанец – это гражданин, со всем необходимым набором этносоциальных элементов. Очень важно, что, будучи собственниками земли и совладельцами общественных земель, уздени являлись носителями всех прав и обязанностей по отношению к своему джамаату или союзу джамаатов. Говоря сегодняшним языком, была социальная ответственность перед обществом. И в Дагестане, с учетом нашей специфики, в перспективе можно реализовать известную формулу Петра Столыпина, предусматривающую частную собственность, наличие независимого человека, институты гражданского общества и, наконец, правовое государство. Поэтому незаурядного внимания заслуживает этот труд…

Мамайхан Агларов по праву является гордостью Дагестана. Он читал свои лекции в итальянских и венгерских университетах. Это необычная фигура на научном небосклоне российского кавказоведения. Публицист и этнограф? Несомненно. Каждая строка его работ глубоко научна и в то же время наполнена тем живым искренним словом, которое и придает свежесть его работам. Он обогатил и разнообразил наши представления об историческом процессе на Кавказе и, в частности, в Дагестане, а следовательно, способствовал новому прочтению, открытию новых, неизведанных граней исследований.

Его имя стоит в ряду самых выдающихся историков республики, таких как Расул Магомедович Магомедов, Амри Рзаевич Шихсаидов, Сакинат Шихамедовна Гаджиева и т. д. Эти подвижники науки относились к своей работе как к государственному делу. Они не стремились к званиям и регалиям, они их получали как дань их заслугам.

Магомедхан Магомедович озабочен тем, что сегодня мы становимся свидетелями того, как «штампуются» кандидаты и доктора наук. Только за период с 1993 по 2011 годы через диссертационный Совет по истории ДНЦ РАН прошло 267 кандидатов и 60 докторов наук. Это больше, чем за все время существования Советской власти.

Вот почему так важен вопрос о социализации молодежи. А ведь это передача опыта старших младшим. Сегодня как никогда нужна преемственность поколений, в том числе в гуманитарной сфере, а не просто омоложение кадров ради омоложения. Замечательно, что такие ученые и люди с большой буквы, как Мамайхан Агларович Агларов, есть в нашем Дагестанском научном центре, который возглавляет член-корреспондент РАН Хизри Амирханович Амирханов. Многие из молодых ученых, с кем пришлось беседовать при написании этой статьи, отмечали, что рады тому, что могут видеть этих корифеев, советоваться с ними.

Фото автора

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Шалум Мигиров

Предтечей предлагаемого текста стал давний и, к сожалению, пока еще не изжитый термин, и надеюсь, что наконец навсегда будет отторгнут в отношении к представителям горскоеврейской общины республики некорректный этноним «таты». Я бы даже сказал, что термин «таты», используемый адресно к представителю моего народа, является издевкой и изощренной формой антисемитизма. То, что этноним унизителен и оскорбителен, подтверждается изысканиями востоковедов и иранистов Г. Асатряна, В. Иванова, М. Оранского, С. Арутюнова, М. Ихилова, И. Семенова, Е. Козубского, Г. Мусахановой и др. Завоевавшие Персию (официальное название Ирана до 1935 г.) кызылбашские тюрки-кочевники называли «татами» все оседлое персоязычное население страны. Происхождение термина «таты» не ясно, но так тюрки обращались к подневольным жителям Персии – независимо от того, к каким конфессиям они принадлежали: зороастрийцам, манихеям, христианам, мусульманам, иудеям… Отсюда следует, что «таты» не этноним племени, народности – это социальный статус покоренного податного населения.

А почему горских евреев (о прилагательном «горский» поведаю ниже), представителей одного из автохтонных народов Дагестана и Северного Кавказа, назвали татами?!

Это инициировалось молодыми представителями горскоеврейской интеллигенции поколения двадцатых-тридцатых годов XX века. Те еще несгибаемые большевики(!), кредо которых было несовместимое сосуществование с религией, объявленной «опиумом для народа». Они не хотели и не могли быть представителями нации, которая опосредованно и однозначно ассоциировалась с одной из мировых конфессий: еврей – значит, обязательно иудей-единобожник. На волне воинствующего большевистского атеизма целому народу прилепили статусную кличку «таты» и паспортизировали этот термин как этносный код.

Тысячи вероучителей христианства, ислама, иудаизма сгинули в той вакханалии. Слава Богу, хоть самоназвание «джухуди» сохранилось (это видоизмененное «ехудаи»), что дословно с моего языка переводится как «единобожник». Лично для меня слово «таты» созвучно с неприлично устойчивой идиомой из русского фольклора: «Грабители крадутся как тати в ночи». Ну и каково горскому еврею быть прозванным «татом»? И может ли это ему понравиться? Отсюда и пресловутая «татофобия». Даже нашего героя Шатиеля Абрамова назвали татарином (см. справочник «Герои Советского Союза», I том). Допускаю, что это описка, но из славной когорты героев-дагестанцев вырвали отмеченного высокой наградой представителя титульной нации республики. Но надеюсь, что в этот почетный титульный воинский строй, наконец, пока еще не забыт, шагнет мой соплеменник.

В связи с юбилейным семидесятилетием победоносного окончания Великой Отечественной войны дагестанцы из СМИ узнали о доселе неизвестном подвиге уроженца Хасавюрта

Владимир Путин дал Министерству обороны Российской Федерации поручение: «Проработать вопрос об увековечении памяти героев, поднявших восстание в нацистском лагере Собибор». И это справедливо. Побегов из различных лагерей было достаточно. Бежать-то бежали. Но чтоб восстание поднять?! (Проект возрождения памяти о героях поддержали Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл и Совет муфтиев России.)

Судьба Александра Шубаева и его соратников сложилась тогда по-военному удачно. Вооружившись трофейным оружием и искусно избегая гибельного боестолкновения с крупной карательной группой, пустившейся за ними в преследование, они смогли соединиться с партизанами, которые отсекли эсэсовцев. В дальнейшем следы горского еврея Александра Шубаева, к сожалению, пока теряются… но, слава богу, что во всех СМИ он не обозван «татом».

26-летнего горского еврея Александра Шубаева. Это очень распространенная фамилия у горских евреев Хасавюрта. Будучи узником концлагеря Собибор, он входил в оперативный штаб готовившегося восстания.

По свидетельству историков, это единственный нацистский лагерь смерти, где восстание успешно завершилось победой военнопленных узников. После этого события концлагерь Собибор по личному приказу Гиммлера был срыт и закатан землей. Фабрики смерти лишились нескольких газовых камер, что спасло жизни тем десяткам тысяч военнопленных, которых этапировали бы в этот концлагерь. Собибор – маленький, глухой полустанок-местечко в Люблинском районе воеводства Польши. Расположен вдали от больших городов и основных железнодорожных магистралей, от которых велось малозаметное железнодорожное ответвление. Почему свозили в секретный лагерь смерти военнопленных? Почему секретный? Потому что фашисты, покуда позволяла военная обстановка, скрывали места концентрирования плененных евреев, чтобы без помех и утечек слухов и огласки подвергнуть их массовому уничтожению.

Восьмого октября 1943 года Советская армия форсировала Днепр – совершился мощный победоносный рывок на запад. А «Собибор» восстал спустя неделю – 14 октября. Я уверен, что докатившееся в концлагерь эхо грома побед советских войск, и особенно в далеком Сталинграде и на Курской дуге, вдохновило их на героический подвиг…

Справедливости ради надо отметить, что подобные этнометаморфозы вытворяли в средневековых Руси, Англии и даже в Древней Спарте: попав в силовую подневольность к феодалам, вольные хлебопашцы, ремесленники и мещане стали называться смердами, вилланами, а в Спарте – илотами. Но мир не знает таких народов, как смерды, вилланы или илоты… Только большевики додумались изобрести фарсинациональность «таты», что категорически противоречит историографии Персии и современного Ирана – там никогда не было такой национальности, как «таты».

А теперь о прилагательном «горский». Элемент ландшафтной этнотопонимики, хотя пытаются лукаво съязвить сторонники «татизации», все-таки наличествует в самоназваниях некоторых народов Северного Кавказа. Например, маарулав (горец) – это у аварцев, галахаи (живущие в крепостях) – это у ингушей, хайдаги (живущие в горах) – это у аборигенных иудеев Нагорного Дагестана. Да и примеров подобной этнонимии в мире предостаточно!

И все же этноним моего народа произошел не от местообитания, а от событий, случившихся

сразу после революции 1917 года, в пору становления суверенных республик на просторах бывшей царской империи. На Северном Кавказе образовалось некое конфедеративное государство, называемое Горской Республикой.

Издревле населявшие ее в числе других народов иудеи-горцы со своим оригинальным языком, в отличие от европейских немецкоязычных иудеев – ашкеназов, стали именоваться «горскими», что и было задокументировано в «Метрическом свидетельстве о рождении». И это звучало как достойный лозунг: «Даешь Горской республике и еврея горского!» И ключевое слово «горский» сохранено за моим народом в память о названии почившего государственного образования. Но мы не ведаем, как бы называли себя все ее граждане.

Хотя история и не знает сослагательного наклонения, жизнь любого общества всегда дает ему шанс на каком-то этапе своего развития устроить, как нынче выражаются, перезагрузку, но уже с учетом открывшихся обстоятельств. И нам в этом послужит примечательный повод, которому свыше 2500 лет (см. Ветхий Завет, Книга Ездры: гл. 4, ст. 9, Библейская энциклопедия – репринтное издание, М., 1990 г.). В деяниях ветхозаветного ученого-священника Ездры есть информация о некоем сообществе, называемом «Даги» (пер. с древнесемитского – «мудрые»), которых ассирийский царь Сенахериб (разрушитель израильского царства) переселил на побережье Каспийского моря. Возможно, это самые древние провозвестники единобожия на Кавказе!

Региону поселения как раз повезло с поводом называться Дагестаном. И случилось так, что теперь и мы себя за пределами республики называем и интегрируемся как дагестанцы. Это, безусловно, гражданственней, чем, например, обзываться «татом» – кличкой оскорбительной и безродного происхождения. И юридически этноним «дагестанец» может быть с полным правом документально закреплен графой «национальность» в «Метрическом свидетельстве о рождении». Такое право подтверждено ст. 26 пунктами 1,2; главами 2,3 со ст. 68 «Конституции России» – и закон поддержан ст. 30 «Конституции Дагестана». И как свершившийся факт эта самоидентификация абсолютно независима и нейтральна по отношению к конфессиональной принадлежности. А конфессиональная принадлежность дагестанца есть личный, свободный выбор, если только его религиозное самоопределение не противоречит ст. 28 «Основного Закона» республики.

Обращаясь к более ранней истории – это когда в Европе господствовали бездуховность, междоусобицы и религиозные распри, – здесь на Кавказе царит чрезвычайная терпимость ко всем существующим религиям, кроме изуверских. «Как яркий метеор блистало это государство на мрачном горизонте Европы» – из сообщений историков.

Страна торговала со всеми существовавшими в то время государствами. Имела высокоразвитые ремесла и агрономию, постоянную армию, причем мусульмане и христиане освобождались от участия в боях, когда агрессорами и врагами страны оказывались их единоверцы, и прощались долги малоимущим. Речь идет о Хазарии. Даже само ее наименование, в переводе с фарси означающее «тысячи народов», характеризует эту страну как нейтрально отчужденную от племенного превосходства одного из ее народов, если бы была названа эта страна ее именем. Подлинная демократия страны!

Одним словом, Республика Дагестан достойно последовала этой традиции. К чести дагестанцев, ни один из множества ее народов не посмел настоять в требовании использовать в названии нашей республики свой племенной этноним.

Чисто гипотетически можно вернуть и древнее название. Тогда будет нанесена смертельная обида Порошенко – по версии авторитетных хазароведов основали Киев и долго владели большой частью территории, ныне называемой Украиной, наши предки хазары и, между прочим, Крымский полуостров Хазария тоже приватизировала.

Такая тяжба сулит Дагестану, как правопреемнику, только головную боль.

Кстати, в подтверждение господства Хазарии над Крымом существует древнее сооружение в крымских горах, охраняемое ЮНЕСКО как памятник мировой цивилизации – это Чуфут-кала (в переводе – иудейская крепость). По тем временам абсолютно неприступная твердыня.

В память о правопреемстве с опекой над Крымом и Украиной нынешний Дагестан активно

участвует в гуманитарной помощи Крыму и в гостеприимстве беженцев из Украины. Так что называться по национальности дагестанцем – это почетно, и внесет в нас заряд примирения, оптимизма и дагестанского сабура! Конечно, некоторые мои соплеменники скажут: «Ну вот, опять нашелся на нашу еврейскую голову очередной, свежеиспеченный деевреизатор!»

Средневековый город-крепость Чуфут-кале

Они забывают о том, что, начиная свое эпохальное шествие с берегов Евфрата, иудей Авраам (Ибрагим) никогда не называл себя евреем! Так назвали Авраама и его спутников встречавшиеся ему по пути племена и народы. На всем индоевропейском языковом пространстве текущие водные потоки – реки, ручьи, водопады – носят в своих названиях обязательно букву «р»: это и Евфрат, Тигр, Рейн, Самур, Терек, Эбро, Аракс, Риони, Кура, Тибр, Днепр, Днестр, Иордан, Нахарар, Виктория, Ниагара и т.д. Это означает, что слово «иври» – «еврей» переводится, по мнению профессора Иерусалимского университета Х. Тадмара, как «пришельцы из-за реки» или «заречные», что в итоге означает «мигранты».

Авраам же и его сородичи пользовались самоназванием «ехудаи» – единобожник, монотеист. А поскольку весь мир познакомился с Ветхим Заветом в греческом переводе, то получилось «иудей» (по-древнегречески «иу» – «единица» + «деос» или «теос» – «бог»), отсюда же и «атеист» – «безбожник». Будучи за границей своего государства, гражданин Израиля легализируется как «израильтянин», и никакому таможеннику или пограничнику в государстве прибытия не придет в голову задуматься, кого он впускает в свою страну: это может быть араб-мусульманин, армянин-христианин, еврей-атеист, еврей-иудей, язычник и т.д. Но они все в первую очередь – израильтяне. И это почти национальность с двумя равноправными государственными языками – арабским и ивритом, а в бытовом пользовании – и английским, и российским языками.

Значит, применительно к нашей республике попытки ее граждан, даже с конституционной поддержкой, интегрироваться в национальную общность, именуемую «дагестанцы», есть вызов международному праву, включающий референдум, плебисцит, дискуссии и т.д. На одной чаше весов выстраданно испытанный временем, но со многими изъянами и перегибами нацпроект, на другой – новый, невиданный, не имеющий аналогов, почти утопический цивилизационный прорыв! Какая же чаша весов перевесит?

P.S. Провокационность данной статьи очевидна. Готов к тому, что на автора обрушится поток ругательно-протестной лексики. Предложенный опус возник не из желания попиариться, а из волнующего меня вопроса: «Кто я?» Бескомпромиссно разобравшись с грубо навязанной «татской» идентичностью, я был вдруг настигнут глобально дискутируемым вопросом: «А кто мы все? То ли россияне, то ли русские?» Я бы, движимый исторической памятливостью, продолжил список: «А может мы – хазаряне?» Например, российский поэт Александр Блок, не идентифицируясь с русской этничностью, заявлял: «Скифы… Мы!»

И родилась новая проблема: как достичь национального единения России? Есть надежда, что Дагестан может стать пилотным прообразом российского сплочения!

Влада Бесараб

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ДЖАЗОВУЮ ТЕМУ

Словари определяют джаз как «оригинальную импровизационную музыку с неровным ритмом и темпом, сочетающую в себе черты европейской и африканской традиций». Слушатели ценят его именно за эту «неровность» и свободную импровизацию, которая тем свободней, чем больше репетиционных часов на нее потрачено.

Биография джазмена, народного артиста Дагестана, художественного руководителя и главного дирижера эстрадно-духового оркестра республики (а до недавнего времени и Государственного симфонического оркестра) Магомеда Абакарова, как хорошая джазовая пьеса – изобилует неожиданными поворотами, расцвечена яркими красками, блестит и переливается, как медные духовые в лучах софитов.

И, как и положено по законам жанра хорошей джазовой пьесы, вопреки ожиданиям, наш разговор начался вовсе не с рассказа о том, как будущий маэстро в юные годы почувствовал в себе «святую к музыке любовь».

– Я занимался в студии художника Магомеда Дугричилова в Буйнакском Доме пионеров *(см. фото справа)*, он был уверен, что я свяжу свою жизнь с изобразительным искусством. И у меня самого были такие мысли. В Буйнакске была такая Галина Михайловна Татенко, она открыла Дом пионеров в городе, куда я и пришел одним из первых. И занимался сразу во всех кружках: рисование, фото, духовой оркестр. Тогда в Буйнакске было два или три военных оркестра, неудивительно, что я увлекся. Музыканты меня знали и, видимо, любили. Потому что, когда их перевели в Новочеркасск, они мне написали, что в оркестре есть место воспитанника и предложили приехать. Я убедил мать и поехал. Мне было 15 лет.

– А отец?

– Отец погиб на фронте… Так вот, сыном полка в Новочеркасске я пробыл недолго, года полтора – было сложно совмещать службу в оркестре с учебой, и я вернулся. Поступил в педучилище, но тут вмешалась Галина Михайловна: забрала мои документы и отдала их в музыкальное училище. За что я ей очень благодарен *(улыбается)*.

– Но в Гнесинку поступать после училища вы поехали сами или по направлению как «национальный кадр»?

– Нет, направления у меня не было. В училище у меня был друг Василий Шакунов – хороший

В общежитии института им. Гнесиных, 1960 г.

музыкант, тоже бывший воспитанник, вот он решил ехать поступать в Москву, а меня уговорил за компанию. Поступили оба. Вася потом остался в Москве, был первой трубой в симфоническом оркестре Вероники Дударовой.

– А вы в Москве не остались, потому что вернулись в Дагестан?

– Не совсем. Поскольку поступал я без направления, то по окончании учебы распределение в Дагестан мне не дали. А туда, куда дали, я ехать отказался. Был огромный скандал, мне грозили вообще не выдать диплом. Тогда была такая система, что выпускник был обязан отработать по распределению несколько лет и только потом мог забрать свой диплом. В итоге меня отправили в Мурманск, где я и проработал три года преподавателем музучилища и дирижером в Народном театре оперетты. А в годы учебы в Москве я работал в оркестре Театра эстрады – с 1962 по 1966. Застал всех звезд того времени – Орлов и Нечаев, Тарапунька и Штепсель, Магомаев, Зыкина – все выступали на сцене Театра эстрады в сопровождении нашего оркестра.

– Как же вы, студент, попали в оркестр театра?

– Случайно. Два трубача и я (Магомед Абакаров учился по классу тромбона у профессора Бориса Петровича Григорьева) играли в ресторане «Советский». Очень строгих правил был ресторан, просто так «зайти покушать» туда человеку с улицы было практически невозможно. Сейчас это сложно понять… И оркестр там был отличный, играли строго по программе. В общем, увидел нас там дирижер оркестра Театра эстрады и пригласил на работу к себе в коллектив.

– Как удавалось совмещать работу с учебой?

– Тяжело было. Меня даже исключали, правда, с правом восстановления. Исключили за пропуски: пропустить занятие было страшнее, чем просто плохо учиться. А у меня гастроли с Театром эстрады, я не могу отказаться! Я чуть ли не весь Советский Союз тогда объездил, и в Москве мы много работали, в том числе с зарубежными артистами, в съемках суперпопулярного тогда «Голубого огонька» участвовали. В общем, вызвал меня к себе ректор, сообщил, что вынужден

исключить за пропуски, и тут же обещал, что на следующий год обязательно восстановит.

– Какой понимающий ректор!

– Да-а, отличный был человек, старался помогать ребятам, которые работали. А не работать я не мог – жить-то надо было на что-то.

– Понятно, что от распределения в Мурманск вы не могли отказаться, но потом почему не вернулись в Москву, а приехали в Дагестан? Ведь наверняка предложения у вас были.

– Были и очень неплохие. Но как-то все не сложилось, к тому же я матери обещал, что я вернусь в Дагестан (*улыбается*).

– А когда началось ваше увлечение эстрадой и джазом? В Москве или еще раньше?

– Раньше, да, еще в Махачкале, во время учебы в училище. Мы играли эстраду на танцевальных вечерах – в парке, в клубе Рыбников. А в Первой Махачкале, при Клубе железнодорожников, был небольшой эстрадный оркестр, который играл современную музыку тех лет. Поэтому в Москву я приехал уже «увлеченный» эстрадой. Мы собирались в кафе на улице Горького (ныне – Тверская ул.), играли полуподпольно: за джаз тогда уже не сажали, но неприятности, особенно у студентов, могли быть.

– А «серьезная» симфоническая музыка вас совсем не интересовала?

– Мы знали эту музыку, нас этому учили, я со 2 курса Махачкалинского училища работал артистом симфонического оркестра Гостелерадио, который, кстати, много лет спустя я возглавил. (Тут стоит отметить, что Магомед Абакаров не просто руководил коллективом 6 лет – с 1970 по 1976 гг., но произвел в нем маленькую революцию: он включил в партитуру оркестра группы саксофонов, электрогитару, рояль и полный комплект ударных, что полностью изменило манеру игры оркестра). Но как-то сложилось, что с самого начала мне ближе была эстрада, джаз.

– Приехав в Махачкалу из Мурманска, вы ведь не сразу стали худруком и главным дирижером оркестра Гостелерадио Дагестана?

– Когда в 1969 году я приехал, работы для меня в Махачкале вообще не нашлось. Поэтому я уехал в Буйнакск, где как раз собирались открывать музыкальное отделение при 1-м Дагпедучилище. Его директором была Елизавета Саввишна Балковая, которая и предложила мне организовать эту работу. Отделение мы открыли, постепенно работа там наладилась. А потом музыканты симфонического оркестра уговорили-таки меня перебраться в Махачкалу.

– Сегодня зрители вас знают в первую очередь как художественного руководителя и дирижера эстрадно-духового оркестра и симфоджазового коллектива.

– Отдельного симфоджазового коллектива нет, есть эстрадно-духовой оркестр и симфонический. Первый был создан в 1995 году по инициативе тогдашнего министра культуры Наиды Абдулгамидовой, которая и предложила мне его возглавить, а худруком и главным дирижером Государственного симфонического оркестра республики я был с 2004 года по 1 апреля нынешнего. Когда эти два коллектива собираются вместе, получается симфоджаз.

– Теперь понятно, спасибо. Почему вы ушли из симфонического оркестра?

– Тяжело стало, мне все-таки 77 лет.

– Почти все руководители творческих коллективов жалуются на дефицит кадров. Мол, в республике их не готовят, а после учебы в других городах мало кто возвращается. Как у вас дела с кадрами?

– Как у всех – плохо. Конечно, есть хорошие ребята, которые постоянно растут, совершенствуются. Хотелось бы, чтоб их было больше. В свое время мы с Васей Шакуновым были первыми духовиками, уехавшими учиться в Москву. После нас многие ребята поступили, но вернулись единицы. Но это не вчера началось, хороших музыкантов всегда не хватает, особенно с духовиками беда. Изначально, еще в музыкальной школе, отделение духовых инструментов набирает мало ребят – оно не столь популярно, как фортепиано и скрипка. А, между прочим, духовики уходят на пенсию через 25 лет работы – независимо от возраста. Мне бы хотелось вспомнить с благодарностью моих учителей, людей, влюбленных в музыку и в свой инструмент. В Буйнакском Доме пионеров нашим кружком руководил Иван Васильевич Спасенных – бывший старшина военного оркестра. Это мой первый учитель. А Вячеслава Петровича Селевко, преподававшего в Махачкалинском музучилище, можно назвать отцом всех духовиков республики. Это был невероятно образованный человек! Он прекрасно разбирался не только в музыке, но, кажется, во всем на свете, например, был нумизматом и отлично знал токарные работы. В Москве у меня тоже были чудесные педагоги.

– А у вас есть ученики, которыми вы гордитесь? Или, может, ваши дети продолжают ваше дело?

– Нет, я ведь совсем недолго преподавал. В Мурманске у меня был всего один выпуск, а в Махачкале я вел аранжировку, дирижирование, но у меня не было учеников в полном смысле этого слова, когда педагог ведет класс, много занимается индивидуально, ну, знаете, как это бывает у музыкантов. Я как-то всегда больше занимался творчеством, концертной деятельностью, а не педагогической. Что касается моих детей, у меня сын и дочь, то я никогда не хотел, чтобы они стали профессиональными музыкантами – особой тяги к этому в них не видел, поэтому не заставлял. Они выбрали другие профессии.

– Вы ведь и композиторской деятельностью занимаетесь, пишете музыку?

– Да, я писал по мере необходимости (Магомед Абакаров – автор музыки к нескольким спектаклям и телевизионным фильмам. – *В. Б.*), но композитором себя не считаю. Аранжировка – да, это мне всегда было интересно, этим я владею, а для того чтобы быть композитором, нужен особый дар.

На этом Магомед Абакарович завершил беседу, его время расписано по часам и он не любит тратить его на разговоры. Он вообще очень дисциплинированный и несуетливый человек, спокойный и рассудительный, преданный своему любимому делу, столь же талантливый, сколь трудолюбивый. Его нельзя назвать баловнем судьбы, которому все легко дается. Впрочем, он и не ждет от судьбы таких подарков, поскольку с самого детства привык полагаться на себя. За трудолюбие и работоспособность (что, суть, не одно и то же), за желание «во всем дойти до самой сути», за высочайший профессионализм и требовательность, благодаря которым джазовые мелодии на его концертах льются легко и свободно, искрятся и переливаются, его так любят зрители и ценят коллеги.

Фото М. Шерматовой и из архива М. Абакарова

Эдуард Эмиров

ЗАЯВКА НА УСПЕХ

В конце прошлого года в зале Кумыкского театра в Махачкале прошел первый и единственный концерт дипломанта международных конкурсов, тенора Али Магомедова. Всех поразило, что в программу вечера были включены не хиты, а малоизвестные произведения. Наш земляк – выпускник Санкт-Петербургской консерватории и Академии молодых певцов Мариинского театра, солист «Геликон-опера».

Прошло более полугода со времени приезда артиста в Дагестан, а критики, да и вообще музыкальная общественность республики, не перестают обсуждать это выступление, отмечать редкий по красоте теноровый голос, мастерство подающего надежды вокалиста и пророчат ему большое будущее. Как отмечают специалисты, тонкая музыкальность и горячий темперамент Али Магомедова необыкновенно ярко раскрываются в итальянском репертуаре. Это он блестяще продемонстрировал в Махачкале.

В настоящее время исполнитель живет в Австрии и готовится к сольному концерту в Вене. В Дагестане он никогда не жил, но родители его родом из Дагестана. С помощью его мамы Луизы Бадавиевны, которая проживает в Санкт-Петербурге, редакция журнала «Дагестан» связалась с Али Магомедовым и попросила его ответить на несколько вопросов, которые волнуют многих любителей музыки, а теперь и поклонников таланта молодого артиста.

– Кому Вы обязаны своей певческой карьерой? Кто первым оценил качество вашего голоса?

– Существует такая поговорка: «У победы теток много. Поражение – сирота». Так вот у меня, к счастью, было много помощников и учителей. Я всем им очень благодарен. Первым оценила профессионально качество моего голоса педагог в музыкальном училище во Владикавказе Людмила Николаевна Балык. А началось, видимо, с того, что музыкальный работник Галитиани (к сожалению, не помню имени) в моем детском саду в Грузии выбрала меня в солисты из трех групп, и я пел песенку про барабан, а ребята хором мне помогали.

– Тенор называют королем всех голосов. Кроме того, такой тип голоса – товар штучный, а еще и скоропортящийся. К примеру, Муслим Магомаев на недовольство знаменитой оперной дивы Галины Вишневской тем, что он не продолжил карьеру оперного певца, ответил так: «Я не могу вечно ухаживать за голосом, бояться, что он «сядет» от рюмочки вина… » А как Вы к этим ограничениям относитесь, соблюдаете ли определенную диету?

– На самом деле, тенор – достаточно редкий голос. Он, как и все остальные голоса, нуждается в правильном уходе и хорошем обращении. Даже больше, чем баритон и бас. И, конечно же, я соблюдаю определенные строгие правила: не курю, не нахожусь в прокуренных помещениях, избегаю переохлаждения, не разговариваю зимой на улице, не ем сильно острого или перченого, слежу за своим общим здоровьем. Голос неотделим от тела. Стараюсь держать себя в хорошей форме. Это помогает мне справляться с непростыми физическими заданиями на сцене.

Бегаю по утрам, хожу в тренажерный зал, если есть достаточно времени. Сейчас с этим стало сложнее, так как идет репетиционный период, а это огромная нагрузка, да и времени свободного просто нет.

А насчет Муслима Магомаева скажу так: он просто лукавил. Репертуар эстрадных песен,

особенно тех, которые он исполнял, требует немалых усилий, хоть и немного меньших, чем оперный репертуар, но он ведь, не переставая, курил, и застолья устраивал часто. Не думаю, что они проходили без капли спиртного. Он просто нашел свое амплуа на эстрадной сцене. Это, конечно, неплохо, просто Галина Павловна понимала уровень дарования Муслима Магометовича и с сожалением отмечала в связи с этим большую утрату для оперной сцены.

– Какую роль сыграли родители в вашем выборе творческого пути?

– Родители не настаивали, но и не были против моих планов. Мой отец сам играет на гитаре и любит музыку. Он хитростью уговорил меня окончить музыкальную школу. А дальше я уже сам изъявил желание серьезно заниматься музыкой. Образно говоря, вкус пришел во время еды.

– Когда состоялся Ваш дебют?

– Мой дебют состоялся на пятом курсе в университете. Тогда я впервые спел главную партию на сцене театра консерватории им. Римского-Корсакова. Это был Ленский в опере «Евгений Онегин».

– Какие чувства Вы испытали, когда впервые увидели свое имя на афише? И где это было?

– Не помню точно. Наверное, это был первый сольный концерт в Москве. Помню только, что все обошлось без шока. Видимо, потому что я очень долго к этому шел и все происходящее воспринимал как данность, как подарок за мои усилия. Было очень приятно и радостно за то, что мои успехи удостоились внимания. Но это не главное. Главное, как публика воспринимает твои старания.

– Создалось впечатление, что Вы достаточно упорный человек?

– Конечно, упорность и работоспособность – очень важные качества, но не менее значимы в моей карьере, наверное, случайности и совпадения. Они часто играют в жизни музыканта ключевую роль.

– Согласны ли Вы с тем, что всем певцам присуща индивидуальность. Даже если сначала копируешь чью-то манеру исполнения, потом все равно поешь по-своему?

– Копирование – это один из хороших и достаточно быстрых способов научиться каким-то интересным приемам и взять для себя что-то новое. Но полностью подражать нельзя никому. Нужно развивать то, что дала тебе природа. В этом и есть секрет уникальности.

– Видел Ваше выступление в Махачкале. Создалось впечатление, что у Вас хорошие режиссеры, которые обучают Вас сценическому искусству…

– Режиссеров было много, так как учился я долго, и всем благодарен за то, что они дали мне. Они вкладывали в меня свои знания, и надеюсь, что их старания не прошли даром.

– Как расслабляетесь физически и умственно? Как проводите свободное время?

– Отдых для певца очень важен. Так как после хорошего отдыха работаешь с двойной силой. Для меня отдых – это смена деятельности. Люблю встречаться с друзьями, читать книги, гулять и кататься на велосипеде.

– Что Вы намерены сделать, чтобы удачно начавшаяся карьера продолжалась как можно дольше?

– Идеального рецепта нет. Я собираюсь сделать все, что от меня зависит. Приложу все усилия – и умственно и физически.

– Получаете ли Вы интересные предложения?

– Да, сейчас у меня достаточно много интересных предложений – это и концерты и ставки в театрах.

– И последний вопрос, который меня просили задать наши местные музыканты. Намерены ли Вы включить в репертуар дагестанские мелодии?

– До сих пор как-то не доходили до этого руки, но если мне подвернется возможность спеть концерт романсов и песен, то я обязательно включу в него песни и мелодии наших замечательных дагестанских композиторов.

Светлана Анохина

НАПИСАННОМУ ВЕРИТЬ

(Наш журнал продолжает публикацию фрагментов из разных интервью, в которых речь идет о Стране, Эпохе и Судьбе. Начало в № 1-5 за 2015 г.)

* * *

Мама моя училась в Ленинграде, в железнодорожном техникуме, у меня даже где-то такая карточка – мама стоит на фоне макета паровоза. Мама мне рассказывала, что была очень гордая. Парни за ней ухаживали, но она нос кверху поднимала. И вот влюбилась в одного из однокурсников. Он был то ли застенчивый, то ли еще чего, но никаких шагов не делал навстречу. А ей стыдно было признаваться самой. Понятия были такие, что девчонке в любви признаваться стыдно.

И вот закончилась учеба, его распределили в один город, маму – в другой. Она всю ночь проплакала, даже думала, может быть, пойти в ректорат, попроситься с ним. Но в голове стучала мысль: это непристойно. И вот так он уехал в одну сторону, так и не узнав о ее любви, а она, вся черная от горя, но гордость свою сохранившая, поехала в Махачкалу.

Единственное, что утешало, – она много читала о Кавказе, и ей было интересно, что же это за Кавказ. Она красивая была, яркая, энергичная девушка. Ей 17 было. И сразу на нее махачкалинские парни стали внимание обращать. А среди них и мой папа. Настырно так начал ухаживать. Даже угрожал: если, мол, в ЗАГС не пойдешь, пожалеешь – убью и тебя, и себя. Ну, она же начиталась разных книжек, думала, так тут в Дагестане и полагается. В общем, как-то утром он явился и потащил ее в ЗАГС. Нанял извозчика, усадил ее и поехали они на Пушкина, там тогда ЗАГС находился. Приехали, он пошел что-то узнавать, а мама, как увидела эти буквы – ЗАГС, – так сразу затосковала, соскочила с фаэтона и удрала. Прибежала домой, заперлась. А минут через 20 папа ворвался с наганом, говорит: если сейчас не пойдешь, то застрелю. И она поплелась. А что делать? Так и поженились.

* * *

Я как-то нашкодила. У нас рядом школьный двор был, и там жила еврейка уборщица, и у нее была 18-летняя дочка Рива. Совсем взрослая девушка, с формами, но дурочка. Вечно прижмет к груди котят, собачат и ходит. А мы с девочками все время хотели ее как-то украсить. Придумали даже, что она выйдет за школьные ворота и найдет себе молодого человека, жениха. И кто-то принес мамину пудру, кто-то помаду губную, а я сказала, что у моей мамы духи хорошие есть. Папа подрабатывал в ресторане и маму хорошо одевал: у нее портниха была, свой сапожник – это еще до войны было. И вот я духи вынесла, мы Риву полили духами. А я увидела, что во флаконе мало осталось духов, и налила туда воду. Не знала, что жидкость станет мутной. Мама пришла, увидела это безобразие, разозлилась страшно! Говорит, что за ребенок гадкий, тебя надо в детдом сдать. Собирай свои игрушки. Я быстро собралась, в чемоданчик свой детский сложила манатки, куклу тоже взяла, папа взял меня за руку, и мы пошли. Вышли за ворота, а я довольная, подскакиваю. Мне всегда хотелось жить в доме, где много детей, я же одна была. И я думала, что детский дом – это дом, где много детей. Очень обрадовалась. Дошли мы с папой до угла, он видит, что я такая не унываю, развернулся, и мы домой пошли.

* * *

Мой дедушка, Шкурин Иван Тихонович, которого я никогда не видел, умер в 1939 году. Строитель-железнодорожник. Участвовал в строительстве вокзала города Дербент. Получил квартиру в красном доме на улице Вокзальной. А тогда в НКВД были так называемые «тройки». Кто-то донес после его смерти, что бабушка жить в ведомственной квартире не имеет права, и по решению этой «тройки» бабушку с маленьким ребенком в 24 часа вместе с мебелью выставили на улицу.

* * *

Как-то утром раненько бригадир к нам стучит: «Анна, готовь девку свою, дороги ремонтировать будет». Мать мне дала хлеба, яиц, молока бутылку. Я надела новое платьице, мне его только купили, в зелененький, беленький, красный, синенький горошек, а еще юбку и платок взяла. Знаешь, как мы работали? Когда я через 5 дней пошла на речку стирать это свое платье, то у него вся спина от пота расползлась. А ведь новое было! И я подвязывала платок так, чтобы дыру эту на спине скрыть.

* * *

Когда мы вступили в колхоз, нам разрешили к старому дому поставить новый дом, а леса у нас были хорошие такие, большие, сосны росли мачтовые. Новый дом мы построили, уже окна поставили даже, печь сложили, и вдруг в 1932 году умирает мама. Она была заведующей молочной фермой, помогала дояркам прорубать прорубь на речке, чтобы коров напоить. Ей стало жарко во время работы, она сняла с себя шубу, потом безрукавку, осталась в одной кофте, вспотела, конечно. А потом еще пошла не домой, а на ферму. И подхватила воспаление легких. Я помню, пришла и говорит мне: «Катя, помоги мне на печку взобраться». А у нас была русская печь большая, которая почти все время топилась, мы, дети, на ней всю зиму и проводили. Я как сейчас помню, как она тогда мне говорит: «Дай мне розовенькое одеяльце». Детское такое одеяльце было, розовое поле и меленькие цветочки по нему… А утром отец увез ее в больницу, где она и умерла. Крупозное воспаление легких. Когда приехали за ней, ее соседки по палате рассказывали, как она говорила: «Не мне бы умирать надо, а надо умирать моей маме». Потому что при ней было пятеро детей – Вера, Андрей, я, Люся и Тамара. Когда мама умерла, к нам стали приходить соседские женщины, все шли и шли, а мы испугались, залезли на печь и спрятались там за занавесочкой, только иногда из-за нее выглядывали. Все плакали…

Мы неделю ждали старших детей – Дусю и Ивана – на похороны, а маму положили в новом недостроенном доме и ходили ее навещать. Она лежала нарядная. Хоронят у нас во всем новом, шьют одежду вперед иголкой, и чтобы не было узлов. Связали ей тапочки, сшили платье, подвязали белый платок, а потом на нее надели саван. Тогда зима была, мне было восемь лет, я уже все понимала.

* * *

В 70-е я работал на заводе начальником лаборатории, меня вызвал директор и говорит: «Ты меня хоть немного уважаешь? Тогда бери мою машину и чеши в обком. Мне сказали, что если я хочу на работе остаться, то должен тебя туда доставить». Я поехал, меня загнали в кабинет, а там двое и говорят мне: ты враг, тебя будут судить и отправят к белым медведям. И показывают мне письмо. Моим именем подписанное, только почерк не мой. Якобы я от имени дербентских азербайджанцев написал в Москву, что здесь национализм и так далее. И адрес на письме «Красная площадь, Ленину». А в конце письма такое вот: «Дорогой Владимир Ильич. Если Вы окажетесь беспомощным, то мы вынуждены будем обратиться к Марксу и Энгельсу».

Мне так смешно стало, это же прямо из анекдота. Но смотрю на этих двоих и вижу: они не шутят. Знаешь, что меня спасло? Адрес отправителя на конверте. Вместо моего домашнего адреса там был указан адрес дербентской синагоги.

(Продолжение следует)

Магомед-Расул

Серебряный водопад

(Отрывок из повести «Аллах все видит»)

(Продолжение. Начало в № 12 за 2014 г. и № 1–5 за 2015 г.)

Лес круто обрывался, переходя в отвесные скалы, пожелтевшие под знойными лучами солнца и отшлифованные вековыми разгульными ветрами. На одной из дальних вершин скалы пушистой чабанской папахой восседало молочно-белое облако, за которым, возвышаясь, маячили гребни гор.

Между лесом и скалой с высоты птичьего полета расплавленным серебром низвергалась пенистая вода, разделяясь на три бурных потока, расширяющихся по мере падения, все больше и больше разбрызгиваясь.

Анфиса с замиранием сердца, захватывающим дыханием смотрела на хрустальный водопад, убаюкивающий шум которого отдавался гулким эхом в скале и таял в глухом девственном лесу. Она не видела и не слышала, как Манарша, отрешенно взглянув на водопад, словно на нечто привычное, недовольно сказала:

– Ты не так повела нас, Култум!

– Почему?

– Пост ведь внизу – снизу и надо было топать.

– Снизу пойдешь – ни фруктов, ни ягод не отведаешь. Все ходят снизу и по пути обчищают деревья и кустарники.

Обратив внимание на застывшую с разинутым ртом Анфису, Манарша ущипнула ее:

– Уснула, что ль?! Айда! – И покатилась вниз.

– Не беги, Манарша. Ветки сухие подбирай, – крикнула вдогонку Култум.

– На кой черт они мне?

– А на чем обед будем готовить?

– Вечно выдумает что-нибудь! – буркнула в ответ она и чертыхнулась, споткнувшись об оголившиеся корни старого дерева.

Когда Култум с Анфисой подошли к мосту, Манарша, держа над головой охапку дров, переходила его, приплясывая, словно завзятая проказница.

Култум добродушно рассмеялась, завидуя ее неукротимой энергии и детской непосредственности.

Анфиса и внимания не обратила на подругу, уставившись на природный каменный мост и остановившись перед ним как перед неодолимым препятствием. В голове ее не укладывалось, как можно было эту тяжеленную каменную махину шириною метра в три перебросить через бурную реку метров на десять-пятнадцать! В ее немом взгляде, обращенном к Култум, застыл вопрос: «Кто мог такое сотворить?!»

Она остановилась посредине моста, прижав к груди дрова, и, приблизившись к краю, с опаской глядела на то, как выныривали из-под клокочущих пенистых волн гладкие и островерхие камни, а потом так же внезапно скрывались в них, и серебристо-сизая река исчезала под ней, словно в волшебном сне.

– Анфиса хочет знать, кто мост построил. Может, ты скажешь, Манарша? – спросила Култум, догнав подругу.

– Знаете, чем отличается обезьяна от человека? – иронично хмыкнула Манарша.

– Многим, – засмеялась Култум в ожидании подвоха.

– Это не ответ, – важничала Манарша.

– Слушаем твой ответ.

– Тем, что не задает глупых вопросов! – Задорный смех хохотуньи заглушил шум реки и водопада.

– И на глупые вопросы могут быть умные ответы, – заступилась за подругу Анфиса, раздражаясь от ее неуемного желания противоречить Култум.

– Это не по моей части. Обращайся к своей училке.

– Хабаров о мосте много, Анфиса, – сказала Култум, – но один из них мне кажется более правдоподобным.

– И какой же он?

– Знаешь, из Ахтов к нам приезжал кунак моего папы Нариман Самуров. Он написал книгу «Прометей прикован к Дагестану». Показывал фото горы Шалбуздаг с профилем лица, прикованного к ней Прометея. Отец привел его к этому водопаду.

– Прометея? – продолжала дурачиться Манарша.

– В лице Наримана Самурова, – нашлась Култум. – Кунак наш рассказывал следующее. Знакомясь с Дагестаном, Прометей (а он был сослан на Кавказ) бродил по горам, перешагивая реки, перепрыгивая скалы. И эту реку он легко перешагнул, хотя она тогда была намного шире и опаснее. Но, увидев, что река разделяет окрестные аулы и люди тонут, перебираясь на другой берег, он притащил огромные валуны (мы их увидим чуть выше) и бросил в реку, чтобы люди могли по ним переходить реку. Но валуны стали слишком гладкими и люди, скользя по ним, продолжали тонуть. Тогда Прометей одним ударом амузгинской сабли отсек большой кусок от той скалы и перебросил через реку…

– Ни фига себе, блин! И ты еще, как дура, продолжаешь верить пустым сказкам, Култум?! – фыркнула Манарша.

– Сказки для того и придуманы, Марго, чтобы люди не теряли веру в хорошее.

– Просто прелесть байка! – воскликнула Анфиса, удивляясь тому, как желтоватая стена скалы прямо на глазах ее потемнела. Подняв глаза в небо, она увидела, что молочно-белое облако, минутами раньше восседавшее на макушке скалы, двинулось к солнцу и накрыло его.

Девочки, ступая по колее травы, умятой ногами посетителей, поднялись на зеленую поляну у подножия скалы, откуда хорошо просматривалась панорама водопада.

Деревья, росшие на краю леса и напирающие на водопад, выглядели гораздо моложе и свежее (с темно-зелеными сочными листьями!) тех, что видели девочки в лесу. По обоим краям реки на расстоянии метра-полтора от того места, куда шумно вонзались потоки водопада, лежали огромные валуны, покрытые зеленым бархатистым мхом и мелкими желтыми цветочками, среди которых там и сям одиноко пробивались красные цветы, похожие на тюльпаны. Только два валуна, посредине реки и ближе к водопаду, голо чернели и сверкали в лучах солнца, омываемые водой.

Анфиса обратила внимание на то, как потоки, равномерно низвергающиеся, тесня друг друга и брызгаясь, вдруг просветлели и засверкали, делаясь более прозрачными и оживленными. Ей чудилось, что брызги, только что казавшиеся одноцветными как снежинки, стали переливаться разными оттенками и блистать цветами радуги.

Ей было невдомек, что полуденное солнце, освободившись от залетного облака, купалось искрящимися лучами в стихии водопада.

– А знаешь, Анфиса, раньше водопад, говорят, был настолько большой и сильный, что падал далеко за теми валунами, – сказала Култум, отложив сумку и предложив Манарше заняться разведением огня.

– А зачем тогда Прометей положил их так – прямо под водопадом?

– Видно, он был большим романтиком – любил красоту.

– Не поняла тебя.

– Представляешь, люди переходили на другой берег под аркой водопада!

– Тебе не кажется, что вся жизнь наша не что иное, как сон? – Култум не ожидала такого поворота мысли, но была рада этому.

– Честно говоря, Култум, мне теперь только и кажется, что я не реально живу, а пребываю во сне! Нет, вернее, такое чувство, что живу в другом веке… Скажи, пожалуйста, у вас только один такой водопад?

– У нас он один, но в республике их около десятка. А может, и больше. Дома я покажу тебе их снимки. Но более всех в памяти запечатлелся замерзший водопад на Шунудаге. Это что-то невообразимое. Ниагарский водопад ничто в сравнении с ним. Папа обещал меня с Амиром повести к нему.

– А что такое Шунудаг?

– Гора-скала в Кулинском районе, стекая с которой замерз водопад.

– Там холодно, как в Арктике?

– Не знаю. Когда побуду там – расскажу. А знаешь, мне еще хотелось бы побывать в Венесуэле.

– При чем тут Венесуэла?

– Там самый высокий в мире водопад Анхель! Представляешь, более тысячи метров высоты! А самый широкий водопад, говорят, находится

в Африке. Его протяженность – около двух тысяч метров! Но главное, говорят, не в этом, а в том, что над водопадом два раза в год, в полнолуние, появляются роскошные радуги. Вот вырасту, непременно поеду туда. Один раз увидеть такое – и умереть не страшно!..

– Эй, малявки! – раздался возглас Манарши. – Хватит хухры-мухры разводить. Работать надо! Только труд облагораживает таких бездельниц, как вы! – закатилась смехом она, довольная своей находчивостью.

– Иду, дорогая Манарша, иду, – отозвалась Култум, вспомнив о своих обязанностях повара.

Между двумя продолговатыми камнями, лежащими друг против друга с почерневшими от огня и дыма краями, возвышалась пирамида из веток, внутри которой, колыхаясь и треща, разгоралось желтое пламя благодатного огня.

– Погодите-ка, погодите! – вскрикнула Анфиса, доставая из заднего кармана джинсов мобильный телефон. – Форменная дура я! Настоящая дурында! Как много потеряла! Как до сих пор не догадалась!

– Теперь и ты начнешь чудить! – нахмурила выщипанные в ниточку черные брови Манарша, которые казались нарисованными неумелой рукой подмастерья.

– Умоляю, не отворачивайся. Садись у огня, будто только-только разжигаешь его. А ты, Култум, стань рядом на корточки и сделай вид, что вынимаешь из сумки снедь. Я быстро закину все на мобиль. А потом – и водопад! Почему я еще в лесу не догадалась?! А как мне, Марго, вернуть картину, когда ты, держа охапку дров над головой, приплясывая, переходила мост?! Никогда не прощу себе этого! Хоть бы ты намекнула, Марго… – досадовала Анфиса.

– Меня это не очень волнует, цацка, – брякнула Манарша.

Анфиса терпеть не могла вольного обращения к себе, но не стала выговаривать подруге, поскольку не хотела сбиться с приподнято-делового настроя.

– Минутку! Еще раз щелкну. Мерси. Теперь пойду водопад застукаю… – Со слезами на глазах от обиды на себя Анфиса пошла снимать Серебряный водопад.

– Странно, блин.

– Что странно, Манарша?

– С утра никто не загудел в трубку. – Она достала из кармана спортивных штанов мобильник айфон-s. – Да и сама не вспомнила о ней. Такого еще не бывало, блин. С мамой, что ль, поконтачиться? Не пойму, чего ей дома париться…

– Зачем беспокоить? Лучше вот сковородку поставь на огонь и прысни туда масла. Вот, – Култум передала ей флакон с растительным маслом, доставая из сумки, как фокусница, то одно, то другое.

– Зачем?

– Курзе будем поджаривать.

– Ты курзе принесла? С мя-ясом?

– Мясные и яичные с молоком.

– Это супер! Дай зацалую тебя! С детства поджаренные курзе больше люблю, чем вареные. Не помню, как давно их ела!

– Поэтому-то я и притащила их для тебя, – решила угодить Култум.

– Правда? Ты мне приятное хотела сделать, Култум?! – с детской непосредственностью заговорила Манарша, не ожидавшая от подруги-соперницы такого благорасположения к себе.

– То ли еще будет! – улыбнулась одними губами Култум, удивляясь тому, как обычно холодно-отчужденные зеленые глаза Манарши сделались миндалевидно-зелеными и довольно привлекательными. «Неужели маленькие радости так меняют человека?» – подумала Култум, поняв, что подруга детства больше не раздражает ее. Сейчас она для нее была не такой злюкой, какой привыкла воспринимать.

– Анфи-ис! Хватит очки втирать! Топай назад. Здесь тебя не хаханьки, а чудеса нашей Култум ждут, – чирикала в хорошем расположении духа проголодавшаяся Манарша, облизываясь в предвкушении желанной трапезы.

Подойдя, Анфиса стала снимать на мобильник, как на шипящей от раскаленного масла сковородке Култум переворачивала курзе зубчатой палочкой, а Манарша строила ей рожи.

– Нормалек. Просто прелесть! – От радости она чмокнула в трубку, как бы выражая этим свое отношение к подругам, и положила было ее в карман, но тут же вынула обратно. – А я и забыла вам показать! Ящерицу поймала! Я и не видела, как она выскочила на валун. Видите, как, вытянув шею, удивленно смотрит то ли на трубку мою, то ли на меня?!

– На тебя, на тебя: ведь вы похожи друг на друга. – Манарша так расхохоталась, что слезы навернулись на глаза.

– Жаль только, бабочек поймать не смогла: только выключу мобиль – они порхают над цветами, стоит включить – их нет! – таратори-ла Анфиса, не обращая внимания на реплику подруги.

– Может, там медведь или кабан промелькнул, и ты проморгала?

– Если б на валуне появился какой-нибудь бойфренд, ты б его немедля закадрила! – надула губы Анфиса.

– Что правда, то правда. Парни западают на меня без проблем. Захомутать их – дело плевое. Тем более с моей модельной внешностью.

– Радуйся, Култум: ты сидишь рядом с коллекционером разбитых мужских сердец.

– Так же, как и я сижу рядом с коллекционером животных и птиц! – хихикала Манарша.

– Ладно, девочки. Давайте кушать. Как говорят у нас, хабар да хинкал яхши.

Култум тем временем расстелила на траве легкую прозрачную клеенку, выложила в пластмассовую коробку поджаренные курзе, разложила перед каждой разовые бумажные тарелки и цветные салфетки.

– Вперед, фотограф! – взвизгнула Манарша, откусывая пышущее жаром румяное курзе. Обжигая рот, она продолжала разговаривать, словно квакающая лягушка.

– Бисмиллах! – Взяв указательным и большим пальцами за конец курзе, Култум с улыбкой стала дуть на него.

– Ты и камни эти в сумке принесла? – решила шуткой поддержать беседу Анфиса, кивнув на обугленные камни, лежащие по обе стороны огня.

– Сейчас никто и не вспомнит, кто первым положил их. Но что вчера здесь жарили шашлыки, сомнений нет.

– Откуда знаешь? И следов нет ведь…

– О каких следах ты?

– Ну, сор всякий: бутылки пустые, банки из-под горошка или соленых огурцов, пакетики…

– У нас не принято сорить – где бы ты ни был. Тем более – на природе. Каждый, кто приходит сюда, не только убирает за собой, но и оставляет что-нибудь полезное для других. Вон там, видишь нишу на скале, лежат дрова и что-то еще завернутое в непромокаемую тряпку.

– А можно посмотреть, что там?

– Скорее всего, это спички или соль. Бывает ведь, собираясь в поход, все взяли, а такую малость, как спички или соль забыли, или дрова в разгар шашлыка кончились…

– Но почему думаешь, что оставили их люди, пришедшие вчера, а не раньше?

– Во-первых, вчера у нас был выходной, день базара, когда мастера отдыхают дома или на природе. Во-вторых, зола и угли здесь лежали свежие, не тронутые ни ветром, ни птицами или зверьем. А вот на этом камне лежал окурок сигареты, случайно забытый заядлым курильщиком. Наверное, больше других выпил. А пьяному, как говорят, море по колено.

– И мы что-то оставим, когда будем уходить? – спросила Анфиса, затаив дыхание слушавшая подругу, любуясь по-детски чистым трогательным голосом и подвижной родинкой-чечевичкой на щеке.

– Разумеется.

– Какой?

– Сама увидишь, – загадочно улыбнулась Култум, забрасывая косу за плечо.

– Тебя оставим, Анфиса. Те-е-бя-я! – вмешалась Манарша, уплетая за обе щеки курзе. – Тебе ведь нравится здесь… Мы с Култум передачи будем носить…

– Да и без передач не прочь остаться. Хоть навсегда!

– И правильно сделаешь! «Лесные братья» не дадут скучать, – не уставала хохмить Манарша.

– Слава Аллаху, Анфиса, в нашем районе их нет. Ты лучше сверток из сумки достань, Манарша.

– А что там?

В холщовую ткань были завернуты три початка кукурузы молочно-восковой спелости, проткнутые по просьбе Култум ее отцом вертелами насквозь.

– Ма-ама родная! – ахнула Анфиса и быстро достала мобильник.

Разворошив красные угли, Култум положила початки на камни концами вертелов и сказала Манарше:

– Плавно поворачивай над углями, пока не поджарятся. Я пойду за водой.

На склоне горы метра на три выше реки был целебный источник с аркообразным навесом. Как только Култум наклонилась над родником, что-то выпрыгнуло из-под него, задев ее нос чем-то мокрым и скользким.

– Вай! – отпрянув и стукнувшись головой об навес, испуганно попятилась она. А придя в себя, засмеялась: это была лягушка, встревоженная ее неожиданным появлением. В нише под навесом стояла алюминиевая кружка, наполовину наполненная водой, в которой беспомощно барахталась большая черная муха.

– Сейчас я тебя выпущу на волю, дорогая, – сказала Култум, осторожно выливая воду на траву и удивляясь тому, как в лучах солнца засветились мокрые крылья мухи, освободившейся из плена воды.

Из родника, мелодично журча, вытекала вода и по узкой каменистой колее выливалась в реку. Култум не могла налюбоваться на камешки и какие-то щепки под водой, которые отражались как в зеркале.

Когда Амиру было пять лет, она привела его к роднику и сказала:

– Ты только посмотри, Амир, какая чистая вода!

– Знаешь, почему? – ничуть не удивившись, спросил он.

– Ну как бы тебе объяснить? Как-то не задумывалась, но…

– Потому что мытая она. Мытая, сестра моя, – на полном серьезе сказал Амир как о само собой разумеющейся вещи. «Мытая вода» – при всей парадоксальности словосочетания, в нем была какая-то непостижимая правда нового видения обычного предмета, присущая незамутненному детскому восприятию.

С благодушной улыбкой вспомнив слова брата, Култум опустила руку в обжигающую ледяную струйку воды и покрасневшими от холода пальцами стала гладить скользкие камешки. Она не замечала, как конец черной косы, коснувшись поверхности воды, завибрировал – казалось, будто коса, отражаясь, плывет по ручейку. Приятная прохлада от скользящих по камешкам пальцам передавалась всему телу. Вдруг палец между камешками зацепился за что-то липкое, она ковырнула ногтем и вытащила потерявшую свой цвет жвачку. Наверно, кто-то, наклонившись над ручейком, уронил ее. Култум с улыбкой собралась было выбросить ее в сторону, но передумала: «А вдруг какая-нибудь птичка из любопытства клюнет ее, и она застрянет во рту?» Култум отшвырнула жвачку в реку…

Наполнять бутылки из кружки показалось скучным и неудобным. Опустив бутылку в родник, Култум с удовольствием прислушивалась, как сосуд, булькая, заполняется целебной водой. Положив кружку в нишу вверх дном, чтобы там не застряла какая-нибудь живность, Култум вернулась к подругам.

Тем временем Манарша старательно переворачивала початки над угасающими углями, Анфиса то и дело щелкала мобильником, перемещаясь из стороны в сторону.

– Это только такая фантазерка, как Култум, могла догадаться поджаривать молодые початки кукурузы! Ни в ауле, ни в городе ничего подобного не видела и не слышала! – щебетала Манарша, шмыгая носом над огнем и, быть может, впервые без иронии выговаривая Култум, но с радостью отдавая себе отчет в том, что она хвалит ее искренне.

Культум достала из сумки половинку кукурузного чурека с овечьим сыром и бумажные стаканы. Наполнив стаканы родниковой водой, разделила чурек и сыр на три части и предложила:

– Попробуйте-ка! Кукурузный хлеб со свежим овечьим сыром и целебной водой – никакие хинкалы или курзе, шашлыки или машлыки не могут сравниться с ними!

– Мама не горюй! – Анфиса вскочила и, сделав шага два назад, направила мобильник на девочек. – Одну минутку. Только одну! – Видно, ее занимала не столько еда, какой бы вкусной и соблазнительной она ни была, сколько желание, как можно лучше запечатлеть происходящее.

– Да хватит щелкать! Лопай, что дают! – фыркнула Манарша, уступив место Культум у огня и набрасываясь на хлеб с сыром, будто проголодалась.

Анфиса села, но не торопилась есть. Хотелось, чтобы одна из подруг запечатлела ее на мобильник.

Просить Марго значило вызвать очередной гнев на себя. Культум одной рукой ела хлеб, другой крутила вертела.

Анфиса жадно вдыхала благовонно-дразнящий запах солнца и земли, спресованный воедино в небольшом куске кукурузного чурека.

– Не заморачивайся, Анфис! Не нравится чурек, подкинь – выручу! – весело шепелявила Манарша, не переставая жевать и не замечая, как с губ слетают желтые крошки рассыпчатого хлеба.

Из леса донесся неприятный визг, перемежаемый отрывистым лаем.

– Что это? – выкатила глаза Анфиса.

– Баба Яга! – хмыкнула Манарша.

– Лиса-одиночка, – сказала Культум. – Забралась в чужую нору и плачет.

– Зачем в чужую нору? Своей нет? – удивилась Анфиса.

– У нее и не одна, наверное, нора. Но по натуре своей любит поживиться чужим.

– А почему плачет?

– Из-за жадности.

– При чем тут жадность? – продолжала сыпать вопросы Анфиса.

– Переела или не то поела и начались спазмы в желудке.

– Скоро и ты расстроишь мой желудок, Культум, – сколько можно початки ждать? – приняла обиженный вид Манарша.

– Получай и ешь на здоровье, – передала Культум ей вертел.

Анфиса вскочила и направила мобильник на них.

– Вот блин! Даже поесть по-человечески не даст…

Когда девочки, перебрасываясь шутками, лакомились кукурузными початками, в нескольких шагах от них приземлились два воробья – один крупный, другой поменьше. Чирикая в разнобой, они устроили целый концерт: то взлетали вверх и опускались, перескакивая друг друга, то налетали на одинокое дерево, растущее вдали, и тут же стрелой возвращались…

Поймав взгляд Анфисы, наблюдавшей за воробьями, Культум заговорила:

– Видишь, как молодая мать учит своего птенчика летать?

– Правда?

– Такая же правда, как и то, что этих воробьем зовут каменными.

– А может, железобетонными зовут? – оскалилась Манарша, откашливаясь.

– Таких еще не видела, но их зовут так, потому что они строят гнезда только среди камней или в скалах. А вот ты обратила внимание, Анфиса, как они летели напрямую наперегонки, но вдруг мать вспорхнула, что-то чирикнула, то есть позвала птенчика обратно, и они коснулись клювами?

– Так воробьи цалуются! – Манарша держала в зубах початок и гоготала.

– Но я знаю одно: так мать накормила свое дите пойманным ею на лету насекомым и показала ему, как надо охотиться. Между прочим, вот с этой скалы из-за каменного птенчика и сорвался наш… известный мастер Максуд. – На слове «наш» она сделала паузу, поймав себя на том, что хотела сказать «мой», но дьявольская интуиция тайно влюбленной предостерегала ее от этого. – Быть может, эта самая воробьиха и была матерью того птенчика…

– Брат Кизтаман, что ль? Он уже художником, говорят, стал, – с ироничной, но беззлобной снисходительностью заметила Манарша.

– Таким же талантливым, как и мастер золотых дел, – с обидой, словно кусаясь, сказала Култум, восприняв ее снисходительность к Максуду за оскорбление.

– При чем здесь каменный птенчик? – спросила Анфиса, запоздало пытаясь заснять воробьев.

– Максуд с друзьями шашлычничал здесь. Кажется, два года назад. В конце июля или в начале августа. Потому что в это время крылья птенчиков бывают еще слабыми, и они не могут летать. Хабары за шашлыком вдруг прервало душераздирающее чириканье вылетевшей из гнезда воробьихи, прыгавшей под скалой вокруг чего-то.

– Воробейчик выпал из гнезда – вот и бесится мать, – сказал один из друзей Максуда.

– Хана ему теперь, – махнул рукой другой.

– Орлу достанется, если лиса или кошка не опередят его, – похвастался своими познаниями третий.

Максуд молча встал, с трудом отбиваясь от набрасывающейся на него разъяренной матери птенчика, взял на руку птенца и стал подниматься к гнезду, цепляясь за выступы и трещины серо-желтого каменного монолита, характерные для древних скал.

Только успел водворить птенчика в гнездо, как воробьиха вонзила в его руку острый клюв. Максуд потерял равновесие и сорвался со скалы… Левая рука и нога его отнялись. Работать мастером-златокузнецом не может, но не сдался – стал прекрасно рисовать…

– Откуда знаешь, как он рисует? Проверять, что ль, ходила? – спросила Манарша, отшвырнув обглоданный початок кукурузы.

– Подбери сейчас же! И больше таких глупостей не делай, – помрачнела Култум.

– С собой, что ль, забирать?! – проворчала Манарша, но пошла за початком. И, как бы пытаясь смягчить свою вину, но оставаясь забиякой, спросила: – Он что, твой Максуд, картину этого водопада намалевал, которую Кизтаман раздраконила?

Култум будто током ударило. Услышав приятные и вместе с тем страшные слова «твой Максуд», она заглянула в глаза Манарши и успокоилась – в них не было ничего такого, чтобы лисица эта заподозрила ее в каких-то чувствах к мастеру.

– Кизтаман только зубоскалить мастерица, а мастер во всем остается мастером, – ответила срывающимся голосом Култум, пряча глаза от подруг.

– Я бы хотела посмотреть его картину и сравнить с моим фото. Это можно сделать, Култум? – уставилась на Култум гостья.

– Не знаю, – задумалась Култум. Но вдруг, осененная мыслью о еще одной возможности встречи с Максудом, стараясь оставаться равнодушной, скороговоркой сказала: – Можно, наверное, можно.

Затренькал мобильник Манарши.

– Вот и Дима Билан запел, – посмеялась Анфиса, узнав голос певца.

– Кумир мой! – ущипнув Анфису, Манарша прервала голос певца. – Да, мамуль. Сама собиралась тебе звонить. Хорошо, что… Что сказала? Шутишь, что ль? Почему? Мы и так уже собираемся. Ладно уж. Здесь нет такси. Как-нибудь дотопаем. Пока! – Недовольно засунув мобильник в карман, Манарша пояснила: – Во блин! Надо срочно уезжать…

– Почему? Мы же завтра после обеда договаривались, – расстроилась Анфиса.

– Не могу понять маму. Я бы не прочь и целую неделю хохмить с вами. На работе какие-то нелады, говорит. Но какие бы заморочки там ни были, мама так не тушуется. Такой потерянный голос у нее не к добру бывает, блин.

– Дай Аллах, чтоб все добром обернулось, – сказала Култум, собирая сумку.

Прибрав все вокруг, оставшиеся дрова и три железные вертела Култум положила в нишу у подножия скалы.

– Папа узнал, что кто-то позарился на общественные шампуры, – унес с собой. Поэтому просил вертела оставить здесь…

Саид Ниналалов

Из жизни аула мастеров

(Продолжение. Начало в № 2-4 за 2015 г.)

Жители аула Устарчи – мастера, привыкшие к постоянному сидению за верстаком. Есть заказ – мастер может по 12 часов не разгибать спины. Пришло вдохновение – мастер вернется домой, где бы он ни был, и устремится к верстаку. Приснится орнамент – мастер встанет ночью и попытается его зарисовать либо карандашом на бумаге, либо резцом штихеля на серебре.

Жители аула Устарчи – мастера, любящие и отдыхать и выезжать в дальние страны. Отдыхать весело, ярко и с приключениями. Легкие на подъем, как и в средние века, когда мастера на перекладных добирались до Гишпании и Китая. Говорят, на одном из кораблей Христофора Колумба был устарчинец. Он так и не вернулся обратно, но почему-то и сегодня откуда-то из Перу иногда привозят изделия из серебра, удивительно похожие на старинные творения устарчинцев.

Шайтаны в Ташкенте

Во всемирно известном ауле Устарчи…

О том, что аул Устарчи всемирно известен, утверждают сами жители города мастеров. И, наверное, правильно утверждают. Надо ценить себя и свое искусство, да возвеличивать его возможными и невозможными способами. Давно вошла во все книги о древнем дагестанском ауле информация, что и шлем Александра Македонского, и щит Александра Невского, и меч Мстислава Храброго были изготовлены мастерами из Устарчи. Устарчинцы в своих рассказах об успехах предков уже начали говорить о доспехах былинных богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, якобы изготовленных в горном ауле. Со временем и этот элемент орнамента придуманной истории войдет в анналы города мастеров.

В реальности во «всемирно известном» ауле Устарчи до середины 19 века проживало множество людей, происходящих из близких и далеких аулов Дагестана. К концу 19 века аул стал както менее охотно принимать приезжих, и только уже состоявшиеся мастера, специалисты своего дела могли осесть в нем. Они шаг за шагом изучали местный язык с множеством специальных слов, связанных с тем или иным промыслом, ассимилировались в ауле, сливались с его исконным населением.

Сегодня только фамилия или родовое имя нынешних мастеров могут что-то сказать о происхождении их владельцев. Есть род, восходящий к иудейскому имени Абрам, другой род носит русское имя Иван, некоторые имеют в своем имени название места, откуда они произошли. Есть и род Шайтановых, о происхождении которого, видимо, только сам шайтан и сможет рассказать, если захочет. Многие представители этого разветвленного сегодня рода являются хорошими мастерами. И многие из них отличаются огромным, доминирующим на лице, свисающим к подбородку носом, живущим, кажется, собственной, отдельной жизнью, близко и глубоко посаженными глазами со зрачками-точками, буравящими собеседника пронзительным взглядом.

* * *

Было время, когда я разрывался на три фронта – на три места, где я жил и работал. Круговорот Москва–Анжи-Кала–Устарчи завершался и начинался снова. Выезд в аэропорт, где меня знали буквально все, посадка в самолет, множество знакомых и незнакомых людей, встречающихся в

дороге. Это все сливалось в единый калейдоскоп событий и лиц.

К частым полетам со временем привыкаешь. Но к погоде в московских аэропортах привыкнуть невозможно. Если в Москве тепло и спокойно, это не значит, что в аэропорту тебя не ждет ненастье. Внуково, Шереметьево, Домодедово ли, лето или зима – в любое время года в аэропорту меня всегда ждал холод не по погоде, в лучшем случае дождь с ветром, обычным явлением был снег с ветром. Однажды я попал и под град с порывистым ветром, норовившим сбросить меня со ступенек трапа на асфальт.

Как-то летом 1999-го года мы с братом летели в Анжи-Калу. Толпа пассажиров, как правило, всегда путающих трапы для первого и второго салонов, создавала ужасную неразбериху. Тучи в небе сгустились, и начался летний московский ливень, промочивший нас мгновенно насквозь. Люди метались вверх-вниз по трапу, размахивая мокрыми билетами и не слыша увещеваний усталых стюардесс, пытающихся объяснить, кому к какому трапу идти. Ностальгия по родному городу, созревшая во мне за месяц пребывания в Москве, при виде этого столпотворения, как-то незаметно сошла на нет.

Мы с братом наконец поднялись в самолет, нашли свои места, которые, к моему удивлению, никто еще не занял. Дождь, дождавшись момента, когда мы войдем в самолет, так же мгновенно прекратился. Выглянуло солнце. Самолет заполнялся взмыленными пассажирами, с которых капала вода, а мы уже что-то обсуждали, мешая по привычке язык русский с родным языком. Мы говорили в ожидании взлета о каких-то пустяках. Я вынул из портфеля книгу, которую заранее приготовил в дорогу.

И тут я спиной почувствовал сверлящий взгляд. Многие считают, что взгляд почувствовать спиной невозможно, другие утверждают, что для этого надо быть очень чувствительным. Я знаю твердо, что многие замечают взгляд каким-то другим зрением, могут почувствовать взгляд на расстоянии, через стекло. Я знаю, что через экран телевизора взгляд не чувствуют. И я точно знаю, что к взглядам посетителя ресторана абсолютно бесчувственны официанты ресторанов, которые, наоборот, по долгу своей службы должны ловить взгляды посетителей.

Взгляд сверлил и сверлил меня, беспокойство нарастало, возникло желание повернуться и сказать что-то грубое. Грубить не в моих привычках, но напряжение не отпускало. Я повернулся назад. За моей спиной сидел невысокий человечек лет тридцати с непомерно большим висящим носом и глазами-буравчиками.

– Шайтан? – спросил я. Тут ошибки быть не могло, такой образ несли только представители этого рода.

Носатый почему-то вздрогнул, судорожно обернулся назад, вздохнул и наконец ответил:

– Да, а откуда ты знаешь? – и добавил уже на нашем языке: – Как ты меня узнал?

– А ты в зеркало посмотри. Вы все почти на одно лицо, как не узнать? Как тебя зовут и откуда ты? А меня ты откуда знаешь? И что ты на моей спине увидел интересного?

– Да, я Шайтановский, Мамед я. Услышал, что вы на нашем языке говорите, и понял, что мы односельчане. Ты в Анжи-Кале живешь, или в Устарчи? Я-то сам из Ташкента еду. Плохо там, на родину решил вернуться.

– В Анжи-Кале мы живем. А что вдруг плохо стало? Раньше ведь модно было жить в Средней Азии, да и зарабатывали там хорошо.

– Это раньше было, сейчас все по-другому. Цены скачут, клиенты беднеют, работы мало, да и менты местные покоя не дают.

Во время советской власти практически все ювелиры в Средней Азии были под колпаком спецслужб. Мастера несколько лет не трогали, давали спокойно работать, дожидались, пока он поднимет голову, начнет строить новый дом или купит машину, и только тогда приходили с обыском. Судьба незадачливого мастера решалась в зависимости от того, сколько он успел накопить к тому времени денег. Надо отдать должное старательным работникам внутренних органов восточных республик СССР: они предпочитали пусть хорошенько выпотрошить, но оставлять на свободе, не душить окончательно тех, кто несет им золотые яйца.

– Уже нет Советского Союза, должно быть все по-другому. Законы же изменились, сегодня ведь можно официально заниматься ювелиркой?

– Да нет, дело совсем не в этом…

* * *

Как-то вечером в начале мая Мамед с друзьями находился на открытой площадке ресторана «Зерафшан». Весенние дожди отшумели в майские праздники, подступала летняя жара,

было влажно и душно. Вечер за разговором и выпивкой наступил неожиданно быстро, и так же быстро Мамеда развезло. Звучала живая музыка, Боря Тахтахонов, известный ташкентский бард, исполнял «Кашгарку». Мамед встал, пошатнулся, попытался пробраться к Боре, чтобы потребовать сыграть «Лезгинку», но не дошел. Ноги сами повели его по пандусу вниз, на первый этаж. Внизу он пьяными глазами поискал столик с друзьями, удивился тому, что не видит их и вышел на улицу.

Начинались сумерки, Мамед безуспешно ловил такси. Таксисты притормаживали возле него, но, замечая его не совсем адекватное состояние, не останавливались. Мамед все дальше и дальше отходил от обочины, пытаясь остановить очередной проезжающий автомобиль. Машины, сигналя, объезжали пьяненького Мамеда. Наконец, рядом с ним встала белая «шестерка» с синей полосой. Ни белый цвет машины, ни синяя полоса, ни надпись «милиция» по этой полосе, ничего не подсказали веселому ювелиру. Он плюхнулся на заднее сиденье и сказал:

– На улицу Абая отвези. Два счетчика плачу!

– Сейчас, брат, мы тебя отвезем. На Абая, так на Абая, – ответил полный усатый лейтенант, почему-то сидевший рядом с Мамедом. Впереди рядом с водителем был кто-то еще в форме.

– Давай-давай быстрее, – хлопнул Мамед по плечу водителя, который сощурил и без того узкие глаза.

– Отвезем, отвезем, не волнуйся, стрелой домчим! – ответил водитель.

Мамед, довольный, откинулся на заднее сиденье, и зазвучал переливистый храп.

– Вставай, приехали! – ощутимо хлопнул Мамеда по плечу водитель.

– Что, куда?! – вскинулся Мамед.

– Туда, куда надо! – ответил водитель. – В отделение милиции. Тут нам все и расскажешь, почему торчал пьяный посреди дороги!

– Какая милиция? Вы кто вообще? Это не такси? Я вообще домой ехал, на Абая.

– Абая, Абая! Вылезай давай, разбираться с тобой будем, что у тебя за Абай!

В замутненное водкой сознание Мамеда пыталась, но никак не могла проникнуть мысль, что он поймал не такси, а милицейскую машину. А милиционеры были только рады поимке пьяного нарушителя спокойствия города.

– Садись сюда, протокол будем писать! – В отделении их встретил дежурный худой капитан с черными усами, прокуренными до рыжины. – Так, нарушитель, как твоя фамилия?

– Шайтанов моя фамилия, – ответил трезвеющий Мамед.

– Шайтанов говоришь? Ты издеваешься? – вмешался лейтенант, который привез Мамеда. – А ну, покажи паспорт.

– Фамилия моя такая, Шайтанов, я что, фамилию себе придумывать буду? Какая есть, такая есть! – ответил Мамед.

– Ах, фамилия у него такая. В мусульманской стране человек к нам приходит и говорит, что он Шайтан! Паспорт давай!

– Да нет у меня с собой паспорта, что я с собой таскать его должен?!

– Ах, паспорта у него нет, с такой чудной фамилией и без паспорта ходит, шайтан чертов! – И милицейская дубинка опустилась на спину Мамеда. После нескольких ударов по спине и голове Мамед почувствовал, как куда-то проваливается.

Мамед пришел в себя в обезьяннике. Он лежал на нарах. Кроме него ни одного задержанного не было. Мамед приподнялся и застонал от боли, вспыхнувшей в затылке.

– А, шайтан, очнулся? Ну, что с тобой делать? Как тебя оформим? На 15 суток пойдешь.

– Какие 15 суток? Я номер брата дам, позвони, он приедет и документы мои привезет.

Через полчаса в дежурку влетел взмыленный старший брат Мамеда – Умар.

– Где он, что с ним случилось? Мы брата с вечера ищем по больницам и моргам!

– Подожди, подожди, скажи лучше фамилию вашу, – перебил его дежурный капитан.

– Шайтановы мы, Шайтанов и моя и брата фамилия.

– Ты тоже над нами издеваться вздумал? – вскипел капитан. – Вы сговорились, что ли? Не бывает такой фамилии. Ни Чертовых, ни Шайтановых не бывает.

– А тут что написано? Вот же паспорт. Смотри, если не веришь. Своим глазам-то поверишь!

Через день Мамед был уже в Москве. Он долго еще нервно оборачивался, завидев милиционера, и еще более нервно вздрагивал, слыша

собственную фамилию. Прошло время, и Мамед полностью освоился в Анжи-Кале, занялся опять ювелирным производством.

– Как вспомнишь, что здесь народ не такой легковерный, низкопробное золото не берут, как покупали в Средней Азии, – сердце болит! – сетовал иногда Мамед.

* * *

Прошли месяцы, прошли годы, складывающиеся по-прежнему из перелетов и переездов Москва–Анжи-Кала–Устарчи и снова Анжи-Кала. И вновь я летел домой, и вновь моим соседом в салоне оказался житель Ташкента.

– Значит, ты из аула мастеров? В Ташкенте немало ваших раньше было. Целые махалли, кварталы по-вашему, занимали. Теперь многие уехали в поисках лучшей жизни. Всего 5-6 семей из вашего села осталось. – И он начал перечислять, загибая пальцы: – Битаевы, Абдуллаевы, Ниналаловы, Шайтановы.

Действительно, там жили мои троюродные братья, но я не стал на этом зацикливаться.

– Шайтановы? Я думал, что они уехали. Один из них со мной летел. Трое, я знаю, в Анжи-Кале живут давно. Еще кто-то остался? С такой фамилией в Ташкенте как выживают?

– А, ты тоже про фамилию и ташкентскую милицию слышал? Эта история при мне с Умаром случилась.

– С Умаром? Не слышал ничего о нём.

И мой сосед рассказал совершенно другую историю.

* * *

Как-то летним вечером было очень жарко. Мы втроем допоздна пили пиво у Умара дома, потом решили пойти прогуляться. Было очень жарко и очень душно, спать не хотелось совершенно. Шли, шли, добрались до парка имени Алишера Навои. На берегу Комсомольского озера мы разделись и без всяких разговоров пошли купаться. Минут 15 плескались, затем двое из нас вышли на берег обсыхать. Умар очень любит плавать – он шумно плескался в озере.

Вдруг за нашими спинами раздался шум мотора, скрип тормозов.

– Вы кто такие, что тут делаете? – Это был милицейский патруль. – Предъявите документы.

– Слушай, брат, откуда ночью летом в парке у нас будут документы? Ты видишь, люди приличные, отдыхают, ничего плохого не делают?!

– Сейчас в отделении отдохнешь! Ишь ты, приличный человек. – Луч милицейского фонарика метался с наших лиц на разбросанную мятую одежду и обратно. – А там, в воде, что за шум?

– Ничего особенного, там наш третий купается. Шайтан, вылезай из воды, сколько тебя ждать?!

– Шайтан? – насторожился милиционер. – Это что за имя? Кто это?

– Да сейчас увидишь. Эй, Шайтан, сколько повторять, выходи!

Из воды медленно выдвигался на коротких кривых ногах черный человек с широким волосатым торсом и длинными руками. Он, покачиваясь, приближался, нарастая над нами темной глыбой. Луч фонарика метнулся к его лицу. Нам предстал огромный свисающий нос, маленькие глаза-буравчики, отсвечивающие красным под лучом фонарика, всклокоченные черные патлы, рогами торчащие над головой.

Милиционер тонко взвизгнул и выронил фонарик.

– А-а-а-а-а! Шайтан! – он рванул к машине и закричал водителю: – Скорее отъезжай!

Машина обдала нас песком и увезла напуганных суеверных работником милиции.

– Кто это был? Чего хотели? Почему уехали? – удивился Умар.

* * *

Мы с моим попутчиком, наконец, отсмеялись, а внизу уже призывно горели огни вечерней Анжи-Калы. Наш самолет снижался над Каспием, рядом был аэропорт.

– Это еще не всё! С вашими земляками в Ташкенте было еще немало разных историй: и смешных, и не очень смешных. Жаль, что полет так короток, я рассказал бы ещё.

К сожалению, я не догадался взять номер телефона и не сохранил в памяти имя моего случайного попутчика. А его друг и мой земляк Умар так и живет в Ташкенте, и редко появляется в Устарчи. И я каждый раз, попадая в аэропорт, надеюсь встретить моего веселого соседа по салону самолета, который расскажет мне новые истории и байки.

Герман Садулаев

Апокрифы Чеченской войны

МИФ О БЛИЗНЕЦАХ

С тех пор, как его не стало, я один живу за двоих. Иногда мне кажется, что в день его гибели его душа вошла в мою душу, стала моей душой. Нас всегда было двое, нас и сейчас двое – мой друг и я. Я и мой брат.

После всего, что случилось, я стал больным. Поэтому я не верю себе. Может, его и не было? Может, это очередная конфабуляция, следствие моей контузии, моего помешательства?

Я помню, я всегда знал, что нас двое. В детстве мне смутно грезилось, я с чего-то решил, что у меня есть брат-близнец, но взрослые скрывают его от меня. Может, он живет в соседнем селе или по ту сторону нанесенной на стекло амальгамы, может, теперь он живет только в моих снах.

Просто у меня никогда не было брата, только две сестры – я люблю сестер, но я всегда хотел иметь брата. И мечтал о том, что он у меня есть, о том, что однажды мы встретимся и всегда будем вместе.

Шли годы, но наваждение не проходило, оно имело надо мной тайную власть. Мне было важно узнать, что оно означает, какое послание зашифровано для меня в этом туманном чувстве. Я стал читать книги, все, что смог найти о близнецах.

Я узнал, что туземцы Малайзии считают старшим того из близнецов, кто появился вторым: они говорят, что старший посылает младшего первым – проверить, как там, снаружи. Из древних индийских сказаний я узнал об Ашвинах, двух божественных близнецах, один из которых олицетворяет утреннюю, а второй вечернюю зарю. В египетской Книге Мертвых говорилось, что у каждого человека есть его двойник, Ка; когда придет время, он возьмет своего брата за руку и будет его проводником в загробном мире. Упанишады поведали о двух птицах, сидящих на одной ветке волшебного дерева: одна из них ест плоды и радуется, если попадается сладкий плод, а если плод оказывается горьким – скорбит, другая птица просто наблюдает за ней. Но стоит первой оторваться от вкушения радости и скорби и обратить свой взор ко второй, как все иллюзии рассеиваются и птица познает истину. И в древних славянских росписях я видел этот сюжет: две птицы на одной ветке, одна с чем-то в клюве, другая смотрит. И был миф о сотворении мира, в котором говорилось о потопе, сокрывшем земную твердь, но птица нырнула на самое дно океана и вынесла комочек глины на свет.

Были моменты, когда мне казалось, что разгадка близка, еще миг, еще одно, самое малое усилие – и мне станет ясно все, и это знание божественным светом озарит мою жизнь. Но решение ускользало, а тайна оставалась тайной, сумраком, сумасшествием. Мыслью о близнеце.

Поэтому теперь, после контузии, я подумал: может, его и не было? Я всегда хотел, чтобы он был, поэтому и придумал его, придумал его таким. Дал ему все, чего мне не хватало в себе, составил одно, совершенное и целое, из двух частей.

Но вот фотография: мы стоим у покосившегося забора, одеты по-летнему, он опирается на изогнутую палку, я опираюсь на него. Пожелтевшая фотография из старого семейного альбома. На обратной стороне корявой детской рукой выведено: «Зелик и Динька». Как будто я боялся забыть, кто мы и как нас звали.

ЖЕСТОКИЙ БОГ НАСЛАЖДЕНИЯ

Я, мы, Зелик и Динька, родились в селе Шали Чечено-Ингушской АССР. Чечено-Ингушетия находится на карте между 42-м и 44-м градусами широты. На восток примерно на той же широте находится город Алма-Ата, дальше Владивосток, еще дальше – южная оконечность острова Хоккайдо, Япония, с городом Хакодате, а также город Аомори. На запад на этой широте находится самый известный советский курорт Сочи, на другой стороне Черного моря – болгарский курорт Варна, еще дальше на запад и чуть севернее – французская Тулуза, за океаном на этой широте находится город Чикаго. Климат во всех этих местах разнится: из-за гор, степей, пустынь и океанских течений. Климат в Чечено-Ингушетии холодней, чем в Сочи или Варне – Большой Кавказский хребет закрывает эту землю для теплых южных ветров, северные же степные ветра гуляют здесь вволю. Но, наверное, теплее, чем во Владивостоке или на севере Японии. Может, он такой же, как в Чикаго или Тулузе – других местах внутренней земли.

Весна здесь наступает рано, в сравнении со средней полосой России. А в мае наступает уже настоящее лето, потому что в мае прилетают ласточки. Для всех в селе лето наступает на следующий день после того, как прилетают ласточки. Я тоже люблю ласточек, но в детстве лето для меня наступало в тот день, когда из далекого далека, из сказочной теплой страны, где всегда жара и растут сладкие дыни размером с лошадиную голову, перелетев на серебристом ангеле великое озеро Каспия, в Шали появлялся Динька.

Из-за того, что Динька всегда прилетал на лето и улетал, когда воздух начинал холодеть и пахнуть осенью, для меня, где-то глубоко внутри, на уровне архетипов, бессознательного, он был воплощением сезонного божества умирающей и воскресающей природы. И имя у него было подходящее: Денис. Денис – Дионис. Дионис, жестокий бог наслаждения, он путешествовал по поверхности земли, окруженный свитой вакханок и сатиров, он разбивал свой лагерь на холме рядом с городом и повелевал всем жителям устраивать праздники в его честь, дионисии, на которых люди должны были пить вино и свально совокупляться; тех же, кто отказывался, Дионис наказывал безумием. Так говорят мифы.

Во внешней, плоской реальности, все было гораздо проще: Динька жил в Туркмении, в городе Безмеин, с родителями: матерью и отчимом, там ходил в школу. А на летние каникулы его отправляли в Шали, к дедушке с бабушкой.

Я знаю все это, но сейчас, когда я вспоминаю о Диньке, он все равно предстает перед моими глазами вечно юным античным божеством; может, это потому, что он погиб, на моих глазах, молодым, может, еще и потому, что я вечно жду. Теперь я буду вечно ждать, когда закончится зима, и он воскреснет – так как он всегда воскресал для меня, появлялся из не-существования, не-известности, не-доступности каждое лето.

АБРЕК

Зелика я помню столько же, сколько и себя. Своего настоящего отца я не знаю, мама родила меня одна, а воспитывали меня больше дедушка с бабушкой. Дедушка с бабушкой, а тогда и мама, жили в особом месте Шали, огороженном высокой бетонной стеной, – на режимном объекте ПП-2. Что такое ПП и почему 2, никто не знал. На железных воротах объекта было начертано – «ЛТС», что означало «линейно-техническая станция». Но это

маскировка, легенда. Никакой линейно-технической станции на участке земли, огороженном стеной из железобетонных блоков, не было. А был холм, засаженный травой, четырехэтажный дом, асфальтовая площадка перед ним, беседка, гараж, детская площадка, лужайка и фруктовые деревья по периметру прямоугольной зоны, размером около четырех гектаров. Самое главное находилось под холмом.

Холм был тоже маскировкой, а заодно и укрытием. Впрочем, холм – это неправильно. Мы всегда называли его «горка». Горка была искусственного происхождения, она была сотворена из земли, которую вынули, копая глубокое и благоустроенное подземелье, и укрывала его. В подземелье же и располагалось собственно ПП-2 – сверхсекретный правительственный пункт стратегической связи.

Говорили, что по телефонам из подземелья можно было позвонить куда угодно, набрать, например, прямой номер Президента США – и тот снял бы трубку на другом конце земли, в Овальном кабинете. Для таких случаев – самых крайних, экстренных – и предназначался ПП-2. Для объявления о начале или окончании войны, руководстве территориями в случаях чрезвычайных ситуаций, для секретной военной связи, если обычные коммуникации будут уничтожены.

В подземелье вели два входа, с западной и восточной сторон горки; оба входа были прикрыты железобетонными козырьками и замаскированы виноградником. Сама горка, тоже для маскировки, засевалась ровной травой. С воздуха все должно было выглядеть мирно и по-сельски. Чтобы быть достоверным, еще хочу сказать, что подземелье мы не называли этим мрачным словом: то, что находилось за бронированными дверьми со сложной системой сигнализации, мы называли просто «под горкой».

Строго засекреченный ПП-2 был объектом прямого союзного подчинения, руководимым непосредственно из Москвы. Местные власти не имели к нему никакого доступа. Более того, на работу в ПП-2 принимались исключительно русские. Не только инженеры связи и прочие технические специалисты, даже уборщицы, садовник, высаживавший и косивший траву, сторожа – все были русскими, специально привезенными для этой работы в Шали и поселенными в четырехэтажном кирпичном доме. Местным жителям, за редким исключением, не дозволялось даже входить в железные ворота на территорию объекта.

Редким исключением был как раз Зелик, вернее, сначала его сестры. Наверное, потому, что семья Зелика была наполовину обрусевшей, у него была русская мама, они хорошо знали русский язык и плохо чеченский, и вообще более сливались с ограниченным контингентом русских, живших в ПП-2, чем с туземцами. Я не знаю, так ли глубоко «копали» сменные сторожа, консультировались ли они с сотрудниками КГБ или приняли решение пускать в ПП-2 Магомадовых (это была фамилия Зелика) по наитию, но сестры Зелика летом почти каждый день приходили играть с русскими сверстницами и сверстниками, детьми работавших в ПП-2 спецпоселенцев.

Поскольку Зелик был вверен всецело их попечению, то и его они притаскивали с собой в какой-нибудь коляске и выгружали в песочницу на детплощадке, а сами бежали с подружками по своим девчачьим делам. В ту же песочницу бабушка выпускала меня, и мы ползали вместе, строя песочные башни и катая пластмассовые машинки. Поэтому Зелика я помню столько же, сколько и себя.

Полное его имя было Зелимхан. Так звали чеченского абрека, прославившегося в XIX веке тем, что он в одиночку вел войну с царскими войсками уже после покорения Чечни, грабил почтовые кареты и раздавал награбленное бедным соплеменникам. Этакий чеченский Робин Гуд! Абрек Зелимхан погиб – его предал кто-то из близких друзей.

Наверное, это банально – упоминать о том, что имя человека определяет его судьбу. Но Зелик в чем-то повторил трагедию своего воспетого в народных песнях тезки.

Зелик погиб. И я не могу не сказать об этом сразу, сейчас. Ведь о чем бы я ни вспоминал, будь то наши детские игры или юношеские приключения, я вижу Зелика как бы через стекло, на котором панно, в красных и зеленых тонах, картина его смерти – и все приобретает другой смысл, другую окраску.

(Продолжение следует)

Дороги в Мехельта.
Фото К.Чутуева

Городской пляж. Махачкала, 1 июня.
Фото Г. Расулова